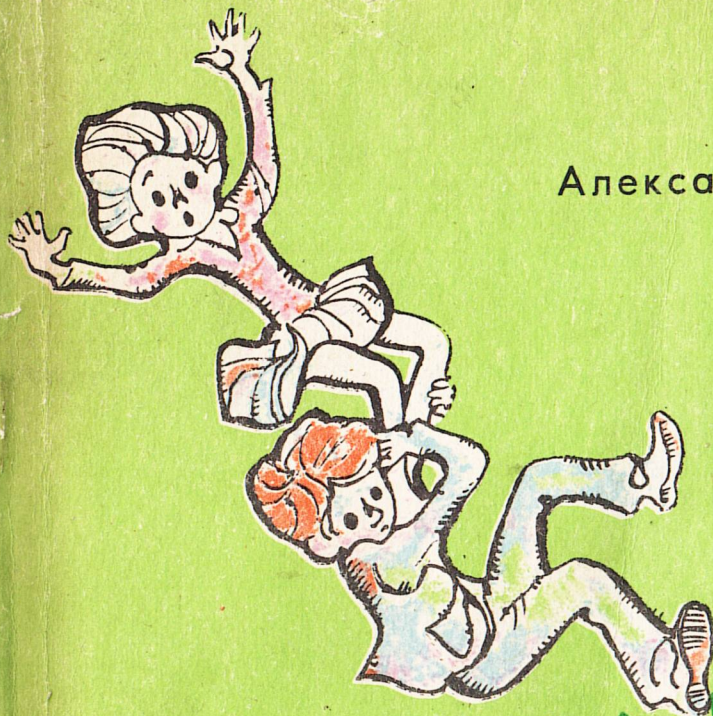
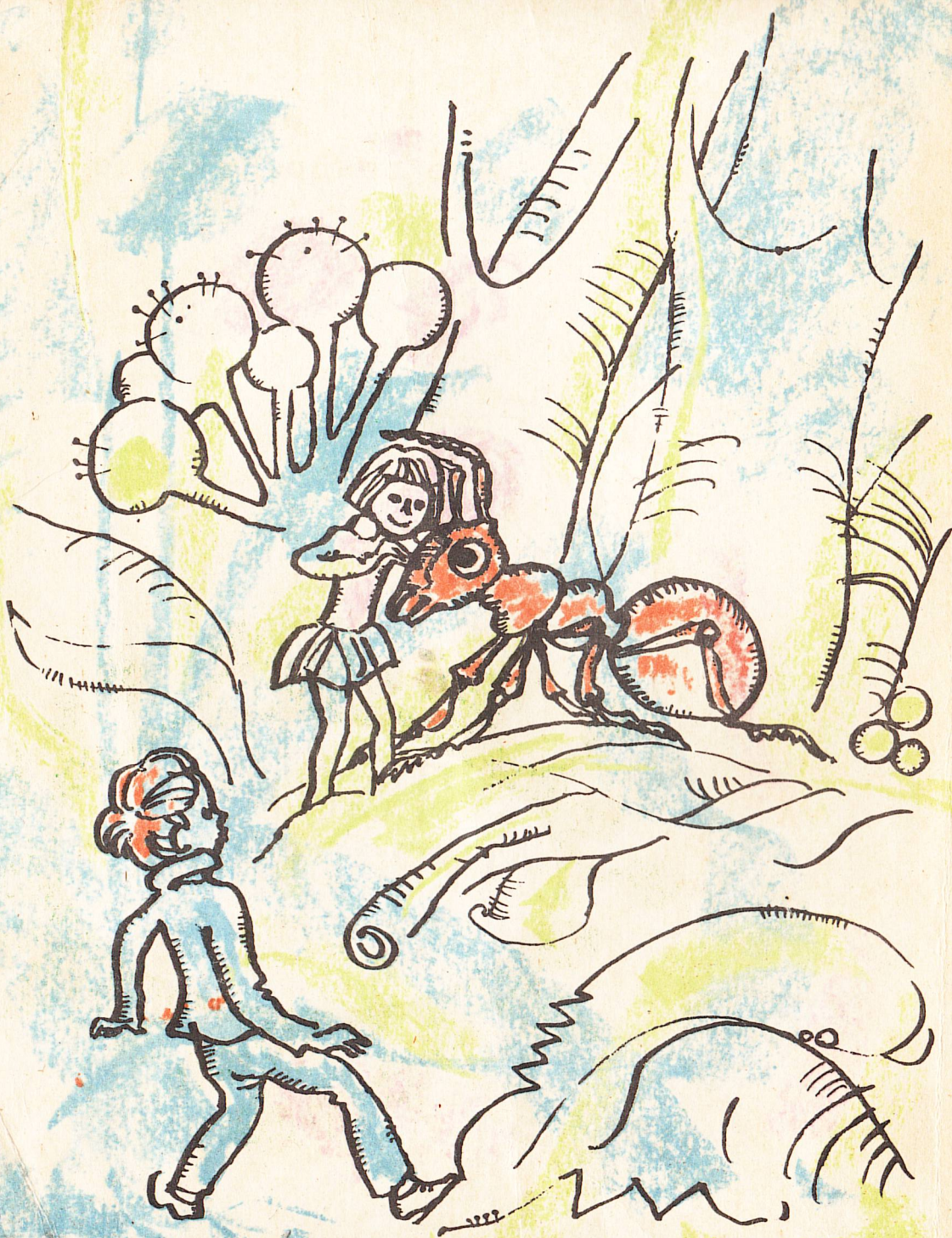

Александр Романов

Тайны
муравьиного
города

Александр Романов

Тайны
муравьиного
города

(СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ)

Новосибирск
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

В новой книге автор продолжает уже начатую им в предыдущих сказках «Первая вечерняя звезда» и «Большая Медведица смотрит на город» тему единения человека и природы.

Очутившись в муравьином городе, герои сказочной повести Оля и Коля получают возможность наблюдать совсем не простую жизнь насекомых, проникаются большим уважением к этим трудолюбивым существам.

Художник С. В. Калачев.

Романов А. А.

Р 69

Тайны муравьиного города.— 1-е изд.— Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1982.— 112 с., ил.

В сказочной форме писатель знакомит маленького читателя с миром насекомых, дает ему не только полезную информацию, но и пробуждает стремление охранять этот мир.

Р 70801—058 71—82.4803010102.
М143(03)—82

Р 2

© Западно-Сибирское книжное издательство, 1982 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О яблоке, с которого все началось

Кукушка давно проснулась и куковала, а в пионерском лагере «Зеленая республика» еще не слышно было голосов.

Лишь над кухонной трубой вился легкий дымок — повариха тетя Клава пекла к завтраку сдобные булочки.

Коля Середкин принялся. Он очень любил сдобу. Но в это утро испытывал еще и особенное удовольствие, собираясь отдать свою булочку Оле Муравейкиной...

Отдать надо было с оглядкой, чтобы не заметили Валька Гребцов и Витька Кравцов — ехидны и задираны. Они не упустили бы случая, приплясывая и кривляясь, лишний раз прокричать такую дразнилку:

Николай-колай середка,
заельцовская селедка.
Муравейкину нашел
и жениться к ней пошел!

Единственной правдой в дразнилке было то, что Коля жил в том районе города, где протекает река Ельцовка. Поэтому район города и называется Заельцовским. Но при чем здесь селедка или то, будто он нашел Муравейкину и пошел к ней жениться? Все обстояло совершенно иначе: Муравейкина нашла Середкина. Он сидел тогда под сосной в грустном-прегрустном настроении. И просто так втыкал в землю большой ржавый гвоздь.

Муравейкина посмотрела-посмотрела и спросила:

— Ты что, всю землю хочешь истыкать?

«Сейчас я запущу в нее шишкой!» — подумал Середкин.

Но шишка лежала далеко, а тянуться не хотелось.

И он повернулся к Муравейкиной спиной.

— А я все равно не уйду, — сказала Муравейкина.

— Ну и стой, — буркнул он. — Места не жалко.

— Ага, заговорил! — воскликнула Муравейкина.

И не успел Середкин опомниться — села рядом с ним, протянула большое красное яблоко.

— Бери, — сказала она, подталкивая его локтем в бок. — Я уже съела одно такое. Девочки дали.

Середкин покосился на яблоко. Ему хотелось взять его. Но останавливало чувство неловкости. Когда к нему приезжали родители, он и не подумал угостить Муравейкину. А к ней вообще никто ни разу не приезжал...

— Ты какой-то глупый, — заметила Муравейкина. — Или слишком много воображаешь. Когда угощают, надо взять и сказать «спасибо». Так поступают все воспитанные люди.

Странное дело: если бы кто-то другой, протягивая яблоко, попробовал сказать Середкину, что он глупый, воображалистый и невоспитанный, — Середкин стукнул бы по яблоку так, что оно бы улетело подальше.

А Муравейкиной ответил:

— Ешь сама. Тебе и так никто ничего не привозит.

— Что же делать, — по-взрослому вздохнула Муравейкина и положила яблоко Середкину на колени, — я, наверное, брошенная. Раньше мои родители забрасывали меня то к соседям, то к бабушке. А в этом году поехали в отпуск и забросили в пионерский лагерь. Сказали, чтобы я не скучала и почаще писала письма.

— И ты пишешь им? — спросил Середкин. — Я не стал бы...

— Я тоже не стала бы, — отозвалась Муравейкина. — Но у мамы больное сердце. Ей нельзя волноваться, надо

все время лечиться, лечиться... Ох, если можно было бы найти такое лекарство, которое вылечит ее!..

Вот так они познакомились...

— Ку-ку, ку-ку,— напредила о себе кукушка где-то совсем близко.

Середкин вскочил, оделся, побежал на голос.

«Она где-то там,— подумал он, поглядывая на вершины сосен.— Хорошо, если бы удалось подкрасться к ней близко-близко и лучше рассмотреть ее».

Как настоящий охотник, Середкин то замирал на месте, вытянув вперед шею, то пригибался, стараясь не наступить на сучок... Еще немного, и он увидел бы ее, обязательно увидел бы!..

Но тут, с песчаной дорожки, донесся топот ног. Кто-то бежал. И кукушка замолкла.

— А! — с досадой воскликнул Середкин и повернулся посмотреть, кто там бежит.

— Тссс...— сказал он себе.— Ведь это наш физрук Раз-два-три!

Физрук Раз-два-три, как его прозвали в младших отрядах, разминался перед общим подъемом. Он бежал по песчаной дорожке и, сосредоточенно глядя перед собой, казалось, даже здесь считал: раз-два-три, раз-два-три...

«Пробежит,— решил Середкин,— не заметит меня. И хорошо. А то начнет расспрашивать, что я делаю здесь, когда все еще спят...».

И он присел, чтобы его не заметили. Но — напрасно. У физрука, наверное, было какое-то особое боковое зрение.

Почти пробежав мимо, физрук неожиданно остановился и спросил:

— Почему встал до подъема? Чего прячешься?

— Я... я...— растерялся Середкин и сказал неожиданно для себя самого: — Зарядку делаю... Хочу стать таким же сильным, как вы...

И — запрыгал на одном месте.

— Молодец,— удовлетворенно заметил физрук.— По-

нимаешь, что спорт — великое дело для здоровья. А ну, пристраивайся за мной, вместе побежим. Давай, давай,— поторопил он Середкина,— раз-два-три, раз-два-три...

Середкин побежал.

«Вот влип...— думал он.— Надо же было попасться, да еще ляпнуть о зарядке. Бегаю теперь, дурак!»

— Ку-ку, ку-ку...— донеслось из ветвей густой сосны.

— Бегу... Бегу...— буркнул Середкин, косясь на сосну, и невольно замедляя бег.

— Ты чего отстаешь? — повернулся физрук.— Держи дистанцию. Да локтями, локтями работай!

Они обежали территорию лагеря по дорожке около ограды, прибежали в центр, там еще дали два круга по кольцевой дорожке вокруг клумбы. Только после этого физрук остановился около скамейки.

— Чувствуешь, как зарядился? — спросил он Середкина.

— Чувствую,— кивнул Середкин.

— А ну-ка, иди поближе,— сказал физрук,— посмотрим, какие у тебя мускулы.

Середкин подошел.

— Ничего, пожалуй, толк будет,— сказал физрук, внимательно оглядев Середкина.— Ты в каком отряде? Как фамилия?

— Середкин я... из шестого отряда.

— А...— улыбнулся физрук.— Николай-колай середка, не помню, как там дальше,— это про тебя сочинили?

— Про меня,— потупился Середкин.— Валька Гребцов и Витька Кравцов. Только они все выдумали!

— Разумеется,— согласился физрук и спросил, прищурив правый глаз: — А кто мне дал прозвище Раз-два-три?

— Не я...— съежился Середкин.— Честное слово, не я!

— Чего ж ты испугался? — спросил физрук. Потом еще раз осмотрел Середкина и сказал: — Это потому, что ты не чувствуешь в себе уверенности, силенок маловато.

Физически крепкий человек не побоится смело смотреть в глаза... Значит, так: для начала будешь приседать пятьдесят раз, отжиматься от земли на руках двадцать раз. Бег по дорожке — пока хватит дыхания. А там посмотрим... Помни: самое главное закалить волю к победе. При помощи усилий воли всего, брат, можно достичь.

Физрук ободряюще подмигнул Середкину: «Мы с тобой, мол, ещё добьемся рекордов!».

И пошел прочь.

А Середкин сел на скамейку и подумал, что день, кажется, начался очень хорошо. Неприятная встреча оказалась приятной. Если уж сам Раз-два-три нашел у него данные для занятия спортом, значит, в скором времени Вальке Гребцову и Витьке Кравцову придется забыть дразнилку. А иначе!..

Середкин пощупал мускулы, и ему показалось, что они стали крепче.

«Прямо сейчас и начну тренировку», — решил он.

Четыре раза Середкин легко отжался от песчаной дорожки.

Пятый раз пошел труднее.

А после того, как он приподнялся на дрожащих руках девятый раз, ему захотелось лечь животом на песок и отдохнуть.

Вспомнив про усилие воли, он отжался еще два раза и встал, тяжело дыша.

«На сегодня хватит», — решил Середкин. — А то можно запросто надорваться».

Следовало бы еще присесть пятьдесят раз.

Но, пока Середкин раздумывал перейти или не переходить ко второму упражнению, раздался знакомый сигнал утреннего горна. Незнакомый переводчик расшифровал его так:

«Вставай, вставай, штанишки надевай!»

Штанишки Середкин надел уже давно. Поэтому он только стряхнул с них приставший песок и, не спеша, пошел к умывальнику.

«А что,— вдруг подумал он, сунув ладони под холодную струю,— может быть, больное сердце Олиной мамы перестанет болеть, если она займется зарядкой?.. Ведь при помощи усилий воли все достигается,— так сказал сам физрук Раз-два-три!..»

«Нет...— тут же ответил он сам себе.— Больному сердцу не выдержать такого лекарства. У меня здоровое сердце, и то я чуть не задохнулся... Надо придумать что-то другое!..».

Размышляя таким образом, он наскоро помочил нос, уши, подбородок и постарался незаметно миновать воспитательницу Анну Константиновну, она стояла на крыльце и наблюдала, чтобы во всем был порядок.

Середкин благополучно миновал бы ее, если бы в самый неподходящий момент Валька Гребцов не крикнул:

— Николай-колай середка,
заельцовская селедка!

Анна Константиновна, не обращавшая внимания на Середкина, перевела на него свой строгий взгляд.

И тут Витька Кравцов добавил:

— С Муравейкиной гуляет,
умываться забывает!

— Покажи руки! — потребовала Анна Константиновна у Середкина.

Середкин оглянулся на дразнильщиков.

Довольные, они стояли у крыльца и смеялись, корчили рожи.

Середкин показал ненавистным задирам кулак.

Потом, на всякий случай, быстро обтер ладони о рубашку и протянул воспитательнице.

— Фу!..— сказала Анна Константиновна.— Неужели так трудно хорошо умыться?

— Я умывался,— насупился Середкин.

— Умывался? — с иронией переспросила Анна Константиновна.— Поэтому у тебя лицо и руки такие, словно ты только вылез из канавы? Да нет, ты посмотри, посмотри сам на свои руки!

— Я не знаю, почему они такие,— пожал плечами Середкин.— Вода здесь, наверное, плохая — ничего не отмывает.

— А вот мы сейчас вместе с тобой пойдем и попробуем,— сказала Анна Константиновна.

Валька и Витька чуть не умерли от смеха.

— Ну вот,— заметила Анна Константиновна, когда с рук потекла грязная мыльная пена,— вода, оказывается, не виновата...

— Пустите, я сам...— жалобно попросил Середкин.

— Давно бы так,— согласилась воспитательница.— Только потом обязательно покажись мне. Я должна убедиться, что вода в нашем лагере не хуже, чем у тебя дома,— добавила она с улыбкой.

— Должна убедиться... Должна убедиться...— шепотом передразнил ее Середкин.— А вы что,— тоже хотите убедиться? — спросил он хихикающих около умывальника Гребцова и Кравцова.— Нате, убеждайтесь!

Середкин прижал струю ладонью, направил на них.

— Ты что делаешь?! — отпрянули дразнильщики.— Ты что делаешь?!

Но Середкин разошелся.

Заметив, что враги убегают, он стащил с ноги ботинок, налил в него воды и помчался за ними.

— О-боль-ю!..— орал он изо всех сил.

А кончилось тем, что Середкин запнулся, упал и облил сам себя.

— Нахулиганился? — строго спросила Анна Константиновна.— Что ж, сам себя наказал: сегодня мы идем на речку, будем там купаться. А тебе нет необходимости идти с нами — ты предпочел выкупаться иным образом...

С великой грустью смотрел Середкин после завтрака на веселые хлопоты.

— Идем на речку... Мы идем на речку!..— слышалось отовсюду.

Середкин видел: и Оля Муравейкина так увлечена сборами, что даже не обращает на него ни малейшего внимания.

Лишь один раз, пробегая мимо, спросила:

— А ты почему ничего не берешь с собой?

И тут же, не дожидаясь ответа, побежала дальше, словно забыла о нем.

Середкин почувствовал: сердце его тоскливо сжалось. Ему захотелось выбросить сдобную булочку — чего она зря лежит в кармане...

Муравейкина так рвется на речку, что у нее нет даже минуты поговорить с ним.

«Пусть, пусть они идут на свою речку... Веселятся там, барахтаются, ловят стрекоз и жуков-плавунцов... Проживу и без этого!» — подумал с отчаяньем Середкин.

И все же, на что-то еще надеясь, подошел поближе к Анне Константиновне.

Воспитательница заплетала волосы самой маленькой девочке в отряде — Маше Одуванчиковой.

Маша и в самом деле походила на одуванчик — светлые волосы пушились над ее головой.

— Отойди, — сказала Маша. — Я не хочу, чтобы ты смотрел на мое причесыванье.

— В чем дело? — спросила Анна Константиновна Середкина. — Нет, нет... И не проси... Ведь я сказала уже тебе, что ты наказан и не пойдешь с нами купаться.

— Да, не пойдешь с нами! — подхватила Маша Одуванчикова и презрительно скривила губы.

«Этой-то малявке чего надо? — подумал Середкин. — Сама косы еще заплести не может, а воображает...»

— Разве я прошусь? — сказал он, ковыряя носком ботинка песок. — На речке сейчас уйма комаров и оводов. Как начнут кусать — сразу волдыри вскочат. И змеи около речки живут. Их там полным-полно в кустах...

— Ой! — вскрикнула Маша Одуванчикова. — Я боюсь змей! Комаров и оводов тоже не хочу!..

— Середкин! — Анна Константиновна строго сверк-

нула очками.— Перестань пугать девочку. А ты не бойся,— ласково сказала она Маше.— Это он выдумывает. Никаких змей там нет. А комаров и оводов мы отгоним.

— Есть там змей,— возразил Середкин.— И еще какие... Вот, больше этого,— он раскинул руки в стороны насколько мог.— Ползут, шипят, языки длинные высовывают. Так и ждут, кого бы ужалить. Я сам видел!

— Марш в корпус! — крикнула Анна Константиновна.— Да что с тобой сегодня происходит, Середкин?!

— Ничего не происходит,— пожал плечами Середкин.— Я просто хотел предупредить вас, чтобы не произошел несчастный случай...

Он ковырнул еще несколько раз носком ботинка песок и поплелся в корпус.

Там Середкин сел на кровать и смотрел в окно до тех пор, пока отряд не построился попарно и не исчез за воротами лагеря.

«Чем бы мне заняться? — с тоской подумал он.— Может, все-таки попробовать поймать кукушку?».

Середкин заглянул в тумбочку, взял оттуда на всякий случай пять конфет — все, что осталось от гостинца родителей. Послonyaвшись еще некоторое время в нерешительности около корпуса, он махнул рукой на разные игры и пошел в самый дикий уголок лагеря — там утром куковала кукушка.

«Не увижу кукушку,— подумал он,— так найду земляничину, а если повезет, и гриб».

Нет, теперь Середкин уже не мог сказать, будто день начался хорошо. Вернее всего, он начался странно. И странно должен был закончиться — в этом Середкин почти не сомневался.

Миновав площадки, на которых кто играл в футбол, кто в волейбол, а кто бродил просто так, в поисках развлечений, Середкин оказался наконец в таинственных зарослях. А когда отошел еще дальше,— вдруг увидел большой муравейник.

Он остановился перед ним в удивлении.

Это было настоящим открытием для него.

Не потому, что Середкину никогда прежде не приходилось встречать муравейники, а потому, что он не ожидал увидеть его здесь, где, как ему казалось, все уже успел обследовать за неделю пребывания в лагере.

— Вот это да! — сказал Середкин и почесал макушку. — Почему же я не видел его раньше?

Он присел на корточки и стал смотреть, как друг за другом к возвышающемуся над землей куполу и от него ползли озабоченные муравьи.

Одни из них тащили хвоинки наверх. Другие, наоборот, тащили хвоинки вниз. А потом и вообще оттаскивали их далеко в сторону.

«Какие они бестолковые! — воскликнул про себя Середкин. — Таскают одно и то же туда-обратно...»

Два муравья остановились у его ботинка. Они подтаскивали к муравейнику остатки крыла бабочки-капустницы.

Один из них остался сторожить добычу, а второй взбежал на ботинок, спустился с обратной стороны и возвратился к товарищу тем же путем.

Некоторое время они суетились около своей ноши — бегали вокруг, зачем-то пытались оттащить ее назад. Затем остановились и словно бы посоветовались. А может быть, отдохнули. Но совсем недолго. После чего дружно вцепились в остатки крыла и, пятясь, потащили его на ботинок.

Они тянули изо всех сил. А ноша зацепилась за подошву ботинка, и никакие отчаянные усилия не помогали сдвинуть ее с места.

Тогда один из муравьев выпустил добычу, привстал и, как показалось Середкину, посмотрел на него с укором, словно бы хотел сказать: — «Зачем загородил дорогу? Разве не видишь, — мы спешим?».

Середкин осторожно отодвинул ногу.

Муравьишки моментально скатились с его ботинка и дружно поволокли добычу дальше.

Он смотрел с улыбкой, как забавно они ковыляют, перебираются через стебли трав.

Вдруг муравьи остановились, и тот, что побольше, повернул к Середкину.

Он торопливо взобрался на ботинок и замер там, где начинались дырочки для шнурка.

— Чего тебе? — спросил Середкин.

Муравей пошевелил усиками, соскользнул на землю и устремился к своему товарищу.

— Странно... — пожал плечами Середкин. — Поблагодарить хотел или сообщить что-то?..

— Ага, вот ты где! — воскликнул кто-то за его спиной.

Середкин, увлеченный муравьями, не сразу сообразил, чей это голос.

Он обернулся, недовольный, что ему помешали, и увидел Муравейкину.

— Ты? — Середкин удивленно посмотрел на нее снизу вверх.

— Я,— сказала Муравейкина, и по лицу ее было видно, как она довольна.

— Разве наш отряд уже вернулся?

— Нет, не вернулся. Они там! — Муравейкина кивнула в сторону реки.

— Значит, и тебя не взяли? — спросил Середкин.

— Я сама ушла от них,— сказала Муравейкина и затараторила: — Мы как только вышли за ворота, я посмотрела — тебя нет. «Где, где Середкин? — спрашиваю всех. — Мы его забыли!..». Маша Одуванчикова говорит: «Его наказали, он водой обливался». Я сразу поняла: это из-за меня, наверное, и говорю Анне Константиновне: «Анна Константиновна, у меня голова болит, можно вернуться?..» Она разрешила. Только велела обязательно сходить к врачу. Вот! Чего ты так странно смотришь на меня?

— Как я смотрю? — спросил Середкин и покраснел. Ему было приятно, что Муравейкина не забыла о нем.

— На,— сказал он и вытащил из кармана сдобную булочку, конфеты.— Для тебя берег.

Муравейкина улыбнулась. Булочка выглядела странно.

— Она измялась немного...— попытался оправдать ее вид Середкин.

— Ничего...— Муравейкина разломил булочку пополам и отдала половину Середкину.— А что ты делал здесь, ягоды собирал?

— Ягод не осталось.— Середкин посмотрел вокруг, словно желая убедиться в том, что их действительно не осталось.— Я сначала хотел увидеть кукушку, а потом нашел муравейник. Муравьи какие-то глупые,— пожал он плечами,— одни тащат хвоинки на свой дом, а другие утаскивают их оттуда, видишь?

— Ой...— забеспокоилась Муравейкина и отступила на два шага.— Я и не заметила, что здесь муравьиный дом. Вдруг они поползут на меня!..

— Не поползут,— успокоил ее Середкин.— Меня же они не тронули. Смотри, сейчас я их покормлю.

Он отковырнул от булочки крошку сладкой помадки и положил на муравьиную тропу.

Не прошло минуты, как сбежавшиеся муравьи уже потащили находку к муравейнику.

— Вовсе они не глупые,— сказала Муравейкина.— Их не зря называют трудолюбивыми — вон тот, видишь, спотыкается, падает, а тащит, тащит... А муравейник-то какой большущий,— не дом, а прямо город!..

— Тебе лучше знать,— ответил Середкин.— Не случайно у тебя фамилия Муравейкина. Ты, наверное, им дальняя родственница? Помоги... А то родственники надрываются, тебя зовут-плачут. «Почему,— говорят,— наша Муравейкина не помогает нам? Нехорошая она девочка,— говорят».

— Не дразнись,— обиделась Муравейкина.— Если я их родственница, то ты родственник какой-то середики... Нет, нет, мы не будем ссориться! — воскликнула она, заметив, что Середкин помрачнел.— Давай во что-нибудь играть?!

— Во что? — нехотя спросил Середкин. — В дочки-матери?

— Знаешь...— немного подумав, заговорщицким шепотом сказала Муравейкина,— лучше всего играть в мечталки. Я уже пробовала. Но одной играть не так интересно. Вдвоем лучше. Сейчас мы сядем под березой, чтобы солнце не жгло, и начнем мечтать. Только не вслух. А потом расскажем друг другу, кто что наметал.

— Нет,— поморщился Середкин.— Так не интересно. Лучше будем мечтать вместе и вслух.

— Давай вслух,— согласилась Муравейкина, и первая побежала к большой березе, пышные ветви которой склонялись чуть не до земли.

— Приготовились... Начали! — скомандовала она, когда Середкин сел рядом.— Ну, говори, о чем ты сейчас мечтаешь?

— Еще ни о чем,— удивленно ответил Середкин.— Я еще только собираюсь...

— А я уже намечтала,— заявила Муравейкина.— Во-первых, о том, чтобы мы с тобой всегда дружили. А во-вторых, чтобы никогда не ссорились. И еще, что ты станешь капитаном и поведешь ледокол к самому Северному полюсу. Ты оттуда пришлешь мне телеграмму?

Середкин даже растерялся от всего того, что намечтала Муравейкина в одно мгновение.

— Кто тебе сказал, будто я собираюсь стать капитаном? — спросил он.— Может, я пойду в космонавты?

— Никто.— Муравейкина посмотрела на него: — Просто я так намечтала. Неужели тебе не хочется стать самым лучшим в мире капитаном?

— Не знаю,— пожал плечами Середкин.— Надо подумать...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обычное становится необычным

Середкин глубоко задумался. Представил себе: вот он стоит в капитанской рубке и смотрит в бинокль на приближающийся Северный полюс. Вокруг ледокола громоздятся льды, ходят белые медведи...

Вдруг ему показалось: по сверкающему снегу бежит муравей. Середкин удивился, хотел протереть бинокль. Но оказалось, что бинокля нет — просто он смотрит из-под ладони на ромашку. А на него, с белого лепестка, смотрит, словно хочет что-то сказать, рыжий муравей.

Неожиданно Середкину в голову пришла потрясающая мысль. Он вскрикнул и вскочил.

— Что? — спросила Муравейкина.— Ты попал в плен к дикарям, и они хотят тебя съесть?

— Какие еще дикари? — обалдело посмотрел на нее Середкин.— Ведь я был капитаном ледокола... Капита-

ном...— повторил он и замолк, боясь потерять мысль, которая пришла в голову.

— А я уже намечтала совсем другое,— сказала Муравейкина.— После капитана ты стал у меня знаменитым путешественником в жаркие страны. Открыл там новый остров и попал к дикарям в плен. Если бы ты не закричал, я спасла бы тебя, и мы вместе возвратились бы домой.

— Подожди,— сказал Середкин.— Ну тебя с твоими дикарями! Их давно нигде нет. Послушай, что я придумал...

— Что?

— Смотри,— Середкин показал на муравья, который уже перебрался к центру цветка.— Я понял, как можно помочь твоей маме вылечиться.

— Не смейся,— посерьезнела Муравейкина, хотя Середкин и не думал смеяться.— Ее болезнь даже врачи вылечить не могут.

Середкин снисходительно глянул на Муравейкину: мол, не хочешь верить — не надо.

— Как? — Она поняла, что Середкин не шутит.

— Да очень просто, — небрежно, как человек, сделавший гениальное открытие, пояснил Середкин. — Надо вылечить ревматизм, тогда и сердце станет здоровым. Я вспомнил: моя бабушка говорила, что ревматизм губительно действует на сердце и лечиться надо муравьиной кислотой. Натирать руки и ноги.

— Я об этом ничего не слышала, — сказала Муравейкина, в голосе ее зазвучала надежда. — А как мы достанем эту кислоту?

— Не знаю... — Середкин пожал плечами. — Надо спросить у муравья. А еще лучше — стать на время такими, как он, и попасть в муравейник. Там, может, и лучше лекарство найдется... Эй, рыжий! — крикнул он муравью и дунул на ромашку так, чтобы тот почувствовал, с кем имеет дело. — Как нам стать такими, как ты?

Муравей попятился, чуть не слетел с цветка и принял угрожающую позу.

— А! — Середкин безнадежно махнул рукой. — Разве с ним договоришься! — И подумал: «Эх, узнать бы волшебные слова, которые помогают исполниться любому желанию...».

— Ты думаешь о том, как нам стать совсем маленькими? — донесся до него голос Муравейкиной.

— Думаю... — машинально ответил он и потом уже сам не мог понять: было или нет на самом деле то, что произошло дальше.

А произошло вот что.

Сначала ему вспомнилось: ведь совсем недавно, кажется, сегодня утром, кто-то говорил, что при помощи чего-то можно всего достичь.

«Ага! — сообразил он. — Это наш физрук сказал: «При помощи усилия воли...». Конечно, — Середкин вздохнул, — волшебные слова были бы лучше. Но раз их нет — и усилие воли может пригодиться...».

Он расправил плечи, напряг мускулы, пытаясь таким образом призвать на помощь всю силу воли.

— Сосредоточься на цели, на том, чего ты желаешь...— донесся до него, как ему показалось, голос физрука.

— Сосредоточился...— ответил Середкин.

Пристально глядя на муравья, он начал желать:

— Хочу стать таким, как он... Хочу стать таким, как он...

— Таким, как он?..— донесся откуда-то вопрос, похожий на пиканье азбуки Морзе.— Ты хочешь, чтобы у тебя стало несколько пар ног и появились муравьиные усики?

— Нет, нет!..— испугался Середкин.— Этого я не хочу! Мне бы только уменьшиться до его размеров.

— Тогда... —пропикала морзянка,— надо запомнить и повторить двадцать раз такой стишок:

— Ради нашей дружбы с Олей
помоги мне, сила воли.
Для тебя помочь несложно
даже в том, что невозможно.

— А с одного раза,— поинтересовался Середкин,— стишок не подействует?

— Он может не подействовать и после двадцатого раза,— отозвалась морзянка сердито.— Сила воли не станет помогать тому, кто думает, как бы его желание исполнилось само собой.

— Понятно,— сказал Середкин и спросил Муравейкину: — Ты слышала, что сказала морзянка?

— Слышала,— отозвалась Муравейкина.— Только мне этот стишок не подойдет. Получится сплошная глупость, если я стану говорить: «Ради нашей дружбы с Олей...»

— Правильно...— растерялся Середкин.— Тебе это не подходит...

— Девочка должна говорить «Ради нашей дружбы с Колей», неужели трудно догадаться! — воскликнула морзянка.

— Теперь не трудно,— сказала Муравейкина и спросила Середкина:

— Начали?

Они закрыли глаза и зашевелили губами, повторяя строчку за строчкой. И когда прочитали стишок в двадцать первый раз,— что-то громко щелкнуло вдали, а вокруг закачалось, зашумело.

Середкин съежился от неожиданности. Шум был таким сильным, словно буря налетела на лес и вот-вот повалять все деревья.

Преодолевая испуг, он открыл глаза и невольно вскрикнул, увидев непроходимые заросли.

«Веселенькая история! — подумал Середкин.— Значит, сила воли сделала свое дело. Неужели стишок занес меня в джунгли? Интересно, а может ли сила воли действовать в обратном направлении?... Сейчас проверим... Вот было бы здорово: захотел уменьшиться — уменьшился. Захотел увеличиться — пожалуйста!.. Ведь это лучше, чем шапка-невидимка. Шапку надо носить с собой, можно и потерять. А здесь-то всего надо сказать несколько слов. Как там было? — попытался он вспомнить стишок.— Я хочу быть вместе с Олей... Нет, не так. Ради Оли сила воли?.. Нет, опять не так...»

— Середкин!..— донесся до него знакомый голос Муравейкиной.— Где ты?..

— Здесь! — отозвался Середкин, досадуя, что не может вспомнить стишок, и забормотал:

— Коля, Оля, воля, что ли.. Можно, сложно, осторожно... Нет, опять не то.

Почему никак не вспоминается этот проклятый стишок? Что же, теперь им навсегда придется оставаться такими маленькими? Да ни за что!.. Сейчас, сейчас он вспомнит его...

— Сю-да... Сю-да...— слышались звуки, похожие на знакомое уже пиканье, но более громкие.

Середкин глянул в ту сторону, откуда они раздавались, и остолбенел: из зарослей высунулись похожие на

антенны усы, а вслед за ними показалась голова с такими жуткими челюстями, что ой-ой-ой!..

— Не бойся,— услышал он голос Муравейкиной.— Рыжик тебя не тронет. Правда, Рыжик?

— Прав-да...— проскрипела голова, и Середкин увидел, как челюсти разошлись, словно бы изображая приветливую улыбку, от которой у Середкина волосы встали дыбом.

— Ох! — Муравейкина высунулась из-за усатой головы.— Здесь очень трудно продираться. Ты пропал так неожиданно,— обратилась она к Середкину,— что я сразу потеряла тебя. Ну, как? — поинтересовалась она.— Здорово быть маленьким? Отсюда все видно совсем не так... Да чего ты его боишься! — Муравейкина погладила усатую голову.— Это обычный муравей. Рыжик. Добрый и трудолюбивый. Мы с ним уже подружились. Без него я не смогла бы так быстро тебя найти.

— Вижу...— сказал Середкин.— Надо поскорее спросить его о лекарстве.

— Я спрашивала, он ничего не знает,— развела руками Муравейкина.— Говорит, что о таком лекарстве нам может рассказать только Главный ученый муравей. И, кроме того, мы обязаны погостить у них. Так, Рыжик?

— Ко-неч-но...— подтвердил муравей и потянулся усами-антеннами к Середкину.

— Осторожней! — крикнул Середкин.— Я этого не люблю!

Рыжик отступил, виновато улыбнулся: «Я, мол, не хотел ни капельки тебя обидеть, просто хочу поближе познакомиться».

Муравейкина рассмеялась.

— Вы оба такие забавные! — воскликнула она.— Ник как не можете друг с другом познакомиться!

— Мы должны познакомиться,— уточнил муравей голосом, который показался Середкину уже не таким скрипучим.— Насколько я понимаю, мальчик тоже хочет погостить у нас.

— Ничего я не хочу.— Середкин начал привыкать к виду муравья.— Сейчас увеличусь — и прощайте. Пусть Муравейкина остается и ползает в траве, раз ей нравится. А познакомиться, что ж, могу.

И он протянул руку.

— Середкин, Коля,— сказал он и уточнил: — Середкин, а не Селедкин. Есть такие, которые путают мою фамилию. Надеюсь, вы не перепутаете?

— Ни за что,— ответил Рыжик.— У муравьев такого не бывает.

Привстав, муравей вежливо поклонился.

— Знаешь,— сказал он Середкину, сразу переходя на «ты».— Я не советовал бы тебе увеличиваться до того, как ты познакомишься с нашими муравьями. Тем более что наш муравьиный город совсем не похож на другие муравьиные города... Нет, в основном, конечно, похож,— поправился Рыжик.— Но ты сам увидишь, какой он особенный.

К тому же, ты все равно увеличиться сейчас не сможешь. Стишок-то забыл?..

— Середкин...— попросила Муравейкина. Было слышно, что она вот-вот заплачет.— Не увеличивайся, пожалуйста. Мне без тебя очень скучно будет. И о лекарстве мы не узнали...

— Не обижай ее,— сказал Рыжик.— Девочек обижать нельзя. Ты что, забыл?..

— Помню,— буркнул Середкин и глянул на Муравейкину.— Они слабые и сразу начинают хныкать... А,— махнул он рукой,— остаюсь!

— Остаемся, мы остаемся! — обрадованно подхватила Муравейкина, забыв о том, что собиралась плакать.

«Вот...— подумал Середкин,— все они такие. Слабые, слабые, а своего добиваются».

— Пойдемте,— сказал он со вздохом,— не вечно же нам здесь стоять...

Середкин помнил: раньше до муравейника было не больше десяти шагов. А теперь...

Теперь они шли за Рыжиком, который быстро перебирал всеми своими ногами, по извилистой, только одному ему известной тропе, и все никак не могли прийти.

Да и трудно было назвать тропой тот путь, по которому их вел Рыжик. Все время приходилось преодолевать какие-то ямы, рытвины, кочки, беспорядочно наваленные остатки стеблей. Муравей очень ловко карабкался по ним, а у Середкина и Муравейкиной ноги то и дело попадали в провалы.

Середкин даже попробовал идти на четвереньках. Но и это не помогло — он только ободрал до крови руки, «наступив» ими на какие-то колючки. А Муравейкина чуть не вывихнула ногу, расшибла коленку и села, заявив, что дальше не может идти.

— Ничего,— заметил Рыжик, осмотрев ушиб.— Заживет задолго до свадьбы. Посиди немного.

Он быстро исчез в зарослях и через минуту вернулся.

— Сейчас вылечу вас, а потом...— сказал он и поло-

жил рядом с Муравейкиной куски листьев, которые принес.

— Потом будет суп с котом? — спросил Середкин, наблюдая, как умело прикладывает Рыжик искрошенные листья к разбитой коленке.

— Потом за нами прилетят, — ответил Рыжик, приложив сверху кусочек листа и заматывая коленку паутиной.

— Проходит? — спросил он Муравейкину.

— Спасибо, уже почти не болит. — Муравейкина благодарно улыбнулась.

— Тогда займемся вторым пострадавшим. — Рыжик повернулся к Середкину, осмотрел и осторожно ощупал его ладони.

— Так, — заключил он, выдернув несколько глубоко впившихся колючек. — Раны более неприятные, чем значительные.

Перекусив стебель какого-то цветочка, Рыжик выдавил из него, словно из тюбика, густой сок и стал смазывать ссадины.

— Одну минутку терпения, одну минутку... — повторял он, быстро и ловко заканчивая лечение.

Середкин с удивлением почувствовал: боль уменьшается. А глянув на ладони, увидел: сок застыл, покрыв ладони защитной пленкой.

— Тебе не показалась болезненной процедура лечения? — спросил Рыжик и, в довершение всего, нежно прикоснулся к ладоням усами-антеннами.

— Здорово! — признал Середкин. — Так быстро меня никто еще не лечил!

Он смотрел, как улыбается Рыжик, тоже очень довольный, что ему удалось помочь гостям, и улыбка Рыжика уже не казалась Середкину неприятной.

«Зря испугался его с самого начала, — подумал Середкин. — Нормальный муравей. Добрый, заботливый, симпатичный. А что касается усов, — так ведь и люди носят усы. Даже бороды. Может, усато-бородатые люди кажутся муравьям в сто раз страшнее».

— Спасибо,— сказал он и, не зная, как выразить благодарность, подмигнул Рыжику.

Это не ускользнуло от Муравейкиной.

— Вот вы и подружились по-настоящему! — воскликнула она. — Теперь все у нас будет еще лучше. А ты, наверное, учишься лечить муравьев? — спросила она Рыжика.

— Нет... — ответил тот, видя, как высоко оценили гости его умение. — Простейшие способы медицинской помощи известны любому муравью. А мне и не только простейшие. Ведь я разведчик...

— Значит, ты разведал нас и взял в плен? — спросила Муравейкина. Она не пропускала ни одного фильма про разведчиков.

— Не разведал, а обнаружил,— поправил подругу Середкин. — И для того, чтобы мы не убежали, приглашает нас в гости. А зовут его, конечно, не Рыжиком,— иначе. Я знаю, как разведчики умеют маскироваться под всяких разных специалистов. Про это и в книгах пишут, и в кино показывают. Влипли мы с тобой, Муравейкина!

— Но если бы я маскировался под кого-то, разве сказал бы вам правду? — спросил муравей.

— Не сказал бы... — согласился Середкин. — Значит, ты не разведчик, а еще кто-то. Ясно только, что ты зачем-то хитришь с нами.

— Да разведчик я, разведчик!.. — взмолился муравей. — Об этом вам все скажут в нашем муравейнике. Неужели вы не понимаете: у нашей муравьиной страны есть враги. Но вы — совсем другое дело. Вы — гости. Меня предупредили о вашем появлении на моем участке. И поручили встретить и проводить в муравейник.

— И опять ты почему-то врешь,— прервал его Середкин. — Как можно было предвидеть наше появление, когда мы сами не знали, появимся в вашей Муравьиной стране или нет?

— А наш Главный ученый знал,— Рыжик пошевелил усами. — Он все знает, даже то, что неизвестно никому. О, нам надо спешить,— спохватился он. — Иначе меня на-

кажут. Где же пропало это проклятое летучее такси? Опять, наверное, своенравничает?..

И он вновь исчез в зарослях травы.

Середкин тяжело вздохнул. С видом полного безразличия принялся качать ногой, сидя на поваленном стебле одуванчика. Весь вид его как бы говорил: «Что ж, подождем, посмотрим, чем все это кончится».

Муравейкина хотела заговорить с ним, легонько толкнула его в бок. Но Середкин словно не заметил этого.

Она повернулась к нему, попыталась заглянуть в глаза.

Середкин отвернулся и, не переставая качать ногой, замурлыкал песенку — ее любил напевать его отец в минуты раздумья:

Жил да был один чудака —
раз, два, три.
Он поднялся на чердак —
раз, два, три.
И теперь у чудака —
раз, два, три,
не хватает чердака —
раз, два, три.

Полностью понять песенку Середкин не мог. Но она ему и нравилась именно тем, необъяснимым. Кроме того, песенка легко напевалась, не мешала думать. А подумать о будущем стоило. О нем просто нельзя было не думать! Анна Константиновна скоро приведет ребят с речки. Вернется и хватится его и Муравейкиной.

Он представил, как она начнет метаться от одного корпуса к другому. Всех спрашивать. Потом побежит к начальнику лагеря, и поднимется всеобщий тарарам.

«Так ей и надо,— злорадно подумал было он.— Будет знать, как наказывать меня ни за что!»

Но тут же ему стало жаль ее. Он вспомнил, что она успокаивала его, когда он не мог дождаться родителей. Как привела потом в свою комнатку, напоила чаем и долго читала сказку про Карлсона, который живет на крыше.

«Нет,— решил он,— нельзя нам подводить Анну Кон-

стантиновну. Мы обязательно должны быть на месте к их возвращению. Да и наказала-то она меня справедливо — не хвалить же надо было за то, что я не умывался!»

Еще он думал о том, что ему не особенно-то понравились все эти заросли травы. Может быть, он взглянул бы на них по-другому, если бы раньше интересовался жучками и козявками.

Но его больше привлекали птицы и такие заметные звери, как заяц, волк, медведь...

Зайца он видел два раза. Один раз издалека, когда тот перебегал поляну. А второй раз заяц выскочил почти из-под ног, и Середкин обязательно бы поймал его, если бы не растерялся от неожиданности.

Волка, а особенно медведя, ему очень хотелось увидеть в лесу. Но, честно говоря, он боялся встретиться с ними, когда они не в клетке. Боялся-боялся, а все равно хотел. Для того, чтобы небрежно, как о самом обыденном деле, рассказать потом ребятам:

«Иду я, значит, по берегу. Вдруг слышу: кто-то идет за мной. Оглянулся — медведь. Я остановился — и он остановился. Смотрит. Думает, я испугаюсь и побегу. Только мне ни капельки не было страшно. «Пусть,— думаю,— стоит себе и смотрит. А я, не спеша, дальше пойду». Прошел немного, оглянулся,— а он все стоит на прежнем месте. Испугался, не пошел дальше за мной».

Конечно, встреча с муравьем, который не меньше тебя ростом, тоже что-нибудь да значит. Тем более что у муравья, когда ты такой же, как он,— видны страшные челюсти. Но разве поверит кто-нибудь в то, что муравей — страшный?

«Нет,— решил Середкин,— о том, как я встретился с Рыжиком, рассказывать ребятам не стоит. Засмеют. А Валька Гребцов и Витька Кравцов придумают новую дразнилку. В ней я стану не заельцовской селедкой, а чем-нибудь похуже».

И еще подумал Середкин, напевая песенку, о чудачке Муравейкиной. О том, что Рыжик прав — нельзя обижать

девочек. А Муравейкину особенно. Потому, что у нее больная мама и ей хуже, чем другим.

Он вспомнил, как Муравейкина пыталась заглянуть в глаза, и ему захотелось сказать ей что-нибудь хорошее, ласковое.

Середкин даже сморщился, подыскивая подходящие слова, вроде таких: «Я никогда не расстанусь с тобой...»

— Больно? — озабоченно спросила Муравейкина.

Середкин покраснел, словно его уличили в чем-то стыдном, и отрицательно мотнул головой.

И тут над гостями загудело, застрекотало, порыв ветра взъерошил волосы, и не успели они опомниться, как рядом с ними приземлилась... божья коровка.

Она аккуратно сложила и убрала под надкрылья свои прозрачные крылышки, оглядела Середкина и Муравейкину.

— Я — за вами, — сообщила божья коровка. На ней виднелись черные точки, словно шашечки на такси. — Сейчас вот немного отдохну и полетим.

— Нет, — сказал Середкин. — Надо еще дожидаться Рыжика.

Он уже не удивился величине божьей коровки и решил ничему не удивляться.

— При чем здесь Рыжик, — голосом избалованного водителя такси заметила божья коровка. — Я не имею никакого отношения к этим Рыжикам. Главный муравей попросил меня доставить вас, и я любезно согласилась. Я никого не собираюсь ждать, прощайте!

И божья коровка приподняла надкрылья.

— Ты полетишь на небо? — спросила Муравейкина.

— К своим деткам, которые кушают котлетки? — спросил Середкин.

— Чепуха! — воскликнула божья коровка и сложила надкрылья. — Какая чепуха! И представить только, что такие глупости мне приходится слушать каждый день. Ведь стоит какому-нибудь мальчику или девочке, а то и взрослому балбесу, увидеть меня, как они обязательно посадят

на ладонь, а потом начинают петь эту дурацкую песенку. Нет у меня на небе никаких деток, котлеток и конфеток. Я улетаю, чтобы не слушать глупости.

— Это шутка,— сказал Середкин.— Веселая шутка. Неужели ты не понимаешь?

— Так поют для того, чтобы тебе веселей леталось,— добавила Муравейкина.

— Лучше бы оставили меня в покое,— ответила божья коровка.— А то пристают каждый день с одной и той же глупостью. Полетите вы или нет? Если полетите — заползайте скорее на спину и покрепче держитесь там, чтобы не упасть.

Муравейкина и Середкин переглянулись.

— Ладно,— сказал Середкин.— Полетим. Только ты не спеши. Учти, нам никогда еще не приходилось летать на божьих коровках...

Он посадил Муравейкину. Она подала ему руку, и они устроились у самого основания крыльев.

— Готово? — спросила божья коровка.

— Готовы! — крикнул Середкин и свободной рукой покрепче обхватил Муравейкину.

Божья коровка раздвинула шире надкрылья, крылья ее затрепетали, и земля стала удаляться.

— Вот здорово! — крикнул Середкин, глядя вниз.

— Еще бы! — отозвалась божья коровка.— Я летаю только по высшему классу...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Под куполом хвои

Едва божья коровка коснулась земли — к ней подбежали два муравья, помогли детям спуститься и услужливо подхватили их под руки.

— Тяжеловатые у вас гости,— заметила божья коровка, уползая в траву.

Середкин и Муравейкина не успели сделать и двух шагов, как зазвучала музыка.

Оркестр кузнечиков, сидящих в тени гвоздики, сыграл радостный приветственный марш.

А когда затих последний аккорд, со всех сторон раздалась возгласы:

«Да здравствуют наши друзья! Пусть крепнет дружба между нами и вами!»

— Видишь, как нас встречают? — шепнула Муравейкина, и в шепоте ее Середкин услышал гордость, словно она сама принимала участие в подготовке встречи или была дальней родственницей муравьев.

— Вижу... — ответил он ей тоже шепотом. — Меня так никогда еще не встречали.

Когда утихли возгласы, навстречу гостям из первых рядов вышел степенный муравей. В общей массе он оставался незаметным. А когда вышел, — Середкин и Муравейкина сразу поняли: этот самый главный, самый уважаемый.

Муравей не спеша поднялся на небольшое земляное возвышение, расположенное на краю хорошо утоптанной площадки, оглядел ряды муравьев и обратился к гостям с такой речью:

— Дорогие друзья! Нам давно хотелось встретиться с вами в такой обстановке, когда мы сможем понять друг друга. И это наконец произошло. Став такими, как мы, вы можете свободно войти в наш муравьиный город, увидеть то, чего никогда не смогли бы увидеть, оставаясь людьми большого роста. Входите же к нам, чувствуйте себя как дома!

После короткой речи Главный муравей улыбнулся гостям и пригласил их подняться на возвышение, встать рядом с ним.

— Ура!.. Ура!.. — закричали муравьи со всех сторон. — Да здравствуют наши гости!

Оркестр заиграл походный марш, и мимо возвышения двинулись колонны муравьев.

— Это идут наши строители,— пояснил Главный муравей, указывая на колонны, где каждый нес хвоинку, кусок листа или песчинку.

— А это — солдаты,— он указал на колонны муравьев, которые шли особенно стройно, старательно держа равнение на Главного муравья.

— А где идет Рыжик? — спросил Середкин, вспомнив, что не видел его с того момента, когда тот покинул их в поисках божьей коровки.

— Рыжик наказан,— произнес Главный муравей.— Он лишен права приветствовать гостей, потому что не выполнил приказ, не привел вас самой короткой дорогой и заставил нас всех долго ждать. Здесь насчет этого строго,— вздохнул Главный муравей.— Даже если я не делаю того, что должен сделать, раз меня никто не может наказать — наказываю сам себя: не сплю до тех пор, пока не сделаю в полтора раза больше. Ведь было бы несправедливо, если бы

я, требуя от других, не требовал бы того же от самого себя. Вы согласны?

— Мы согласны,— сказала Муравейкина.— Хотя, по правде говоря, мне еще никогда не удавалось самой себя наказывать. Странно как-то!

— И мне тоже,— признался Середкин.— Это, наверное, хуже того, когда тебя наказывают другие.

— Намного хуже...— доверительно сказал Главный муравей.— А вот идут наши заготовители корма! — воскликнул он.— Смотрите, смотрите, как они постарались ради вашего прибытия!

Действительно, заготовители постарались на славу. Нельзя было без восхищения смотреть, сколько вкусного собрали они для гостей.

Чего только не было!

Кусочки шоколада и пирожного, конфет и сдобных булочек. Малина, земляника, черника...

А в самом конце колонны десять муравьев катили клубничину, такую спелую, что казалось, будто она где-то специально зрела для торжественного случая.

— Ура! — крикнул Середкин и хотел спрыгнуть с возвышения, помочь муравьям.

— Стоп... стоп...— удержал его Главный муравей за рукав рубашки.— Они справятся и без тебя. Не создавай беспорядка. Каждый должен заниматься своим делом.

— Здравствуйте! — сказал Середкин.— Во-первых, у меня сейчас никакого дела нет. А во-вторых, разве плохо помочь кому-нибудь?

— Помощь хороша тогда, когда она полезна,— настаивательно проговорил Главный муравей.— А бесполезная помощь только сбивает и мешает работать. Ох,— вздохнул он,— мне кажется, что заготовители перестарались. Не помню я что-то такой клубничины в нашей стране. Наверное, они проникли на чужую территорию, чтобы лучше выполнить задание. Не было бы из-за этого крупных неприятностей... Главный заготовитель, ко мне! — крикнул он.

Толстый муравей старательно засеменил, услышав

приказ. Его мучила одышка. Короткие ноги спотыкались. Было заметно, что меньше всего ему хотелось оказаться перед Главным муравьем.

— Я здесь...— хрипло сказал он и остановился на почтительном расстоянии.

Главный муравей посмотрел на него испытующим взглядом. Словно заранее хотел определить: правду скажет заготовитель или нет.

— Вы собирали угощение на своей территории?— спросил он.

— На своей, только на своей...— пролепетал толстяк.— Честное слово...

— А клубничина?— Главный муравей пошевелил усами.— У нас клубника не растет.

— Ах, эта ягодка?..— заготовитель замялся и отвел глаза.— Она росла на самой границе с владениями Жука-Бронзовика. Но большая часть ягоды была на нашей стороне. Честное слово. Мы сорвали ее по всем правилам справедливости.

— А Бронзовик ничего не сказал?

— Его не было... Вообще-то...— заготовитель затоптался на месте,— если бы не такой торжественный случай,— он вежливо поклонился Муравейкиной и Середкину,— мы, конечно, не стали бы ее брать. Но ведь нам хотелось хорошо угостить наших гостей!

— Что сделано — то сделано,— сказал Главный муравей и тяжело вздохнул.— Эх! — не выдержав, добавил он.— Не стоило связываться с Жуком-Бронзовиком. Он большой скандалист. Я уверен: Жук еще себя покажет. Во-первых, примется утверждать, будто большая часть ягоды свешивалась на его сторону. А во-вторых, если нам и удастся доказать, в чем я сомневаюсь, что это не так,— потребует возвратить ту часть, на которую имеет право.

— Об этом я не подумал...— виновато потупился Главный заготовитель.— Давайте сразу отдадим ему половину?!

— Бесполезно,— качнул головой Главный муравей.—

Скандалист не удовлетворится... Как плохо получилось! — воскликнул он, все больше и больше волнуясь. — И перед гостями неловко. Надо было заранее договориться с Бронзовиком. Вы — Главный заготовитель. И обязаны днем и ночью помнить слова древних людей, которые хранятся у нас в помещении мудрых мыслей: «Кто не думает о последствиях, тому судьба не друг»!

— Прошу прощения, — не зная, куда ему отвести глаза, пролепетал Главный заготовитель. — Накажите! Я готов не спать до тех пор, пока не исправлю ошибку и не предую еще десять...

— Простите, простите его... — попросили Муравейкина и Середкин.

— Ладно, — смягчился Главный муравей, — на этот раз не стану наказывать. Ах, как обидно, что мы так часто в чем-нибудь да ошибаемся!

— Спасибо... Я вас понял... — Главный заготовитель, кланяясь, попятился на свое место.

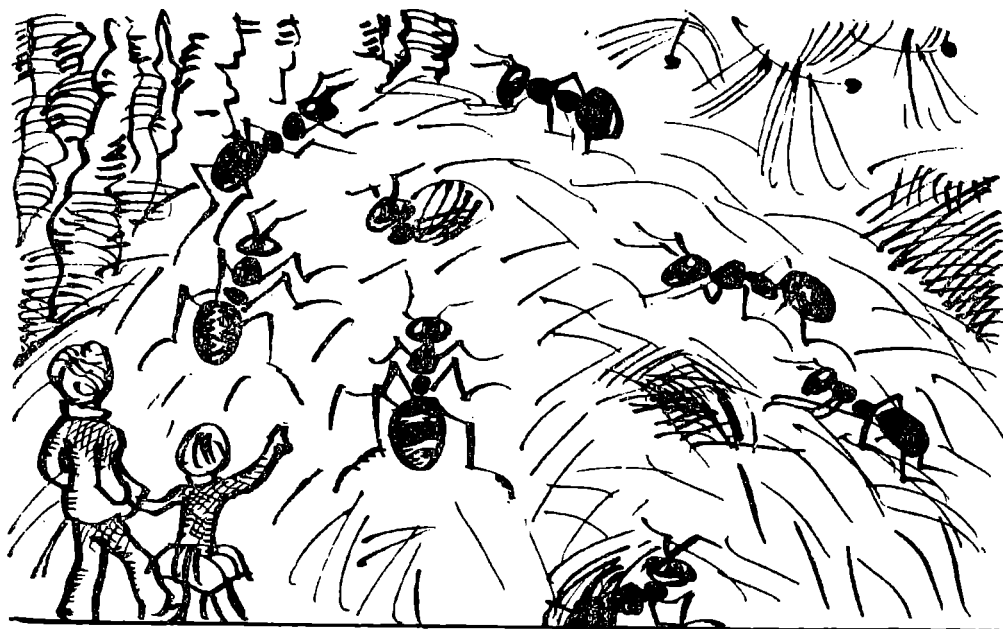
— Подумаешь, — сказал Середкин, — Жук-Бронзовик. Да пусть он только сунется, этот Жук!

— Ты все еще забываешь, что стал маленьким, — улыбнулся Главный муравей. — Жук теперь во много раз больше тебя.

— Ну и что!.. — пожал плечами Середкин. — Если он вздумает воспользоваться своей силой сейчас, пока я маленький, ему еще хуже станет, когда я снова стану большим. Пусть Жук тоже не забывает слова древних людей: «Кто не думает о последствиях, тому судьба не друг!..»

— А я никогда не думаю о последствиях, — перебила Середкина Муравейкина. — Какая скука — думать о них. По-моему, ничего нет на свете неинтереснее этого. Вдруг бы я взяла и подумала, что Середкин оставит когда-то меня одну в глухом лесу. Как бы я тогда могла с ним дружить? Нет, лучше не думать о последствиях.

— А разве я могу оставить тебя одну в глухом лесу? — вопросом на вопрос ответил Середкин. — Надо же, до чего могут додуматься девчонки!..

Муравейник был выше высотного дома. Входы-выходы виднелись не только внизу, а и на самой макушке купола. И всюду копошились муравьи. Середкин заметил: они с любопытством поглядывают на гостей, не прекращая работы и не задавая вопросов.

И еще он заметил: одни входы-выходы муравьи открывают, а другие — закрывают.

Увидел он и тех «глупых», которые старательно тащили хвоинки, как ему казалось, то на муравейник, то с муравейника.

Теперь ему стало понятно: муравьи заменяют новыми хвоинками старые — ремонтируют, все время обновляют стены и крышу своего города.

— А почему, — спросил он у Главного муравья, — они то открывают, то закрывают входы-выходы?

— Для того, чтобы в муравейнике всегда была одна и та же температура и для проветривания. Разве тебе нра-

вится, когда в твоём доме душно и — то жарко, то холодно?

— Вот оно что! — удивленно сказал Середкин. — Но я вижу еще муравьев, которые ничего не делают — ползают просто так. А некоторые из них даже не ползают — лежат около входов. Разве у них выходной день?.. Или они работают во вторую смену?

— Нет... И эти работают, — пояснил Главный муравей. — Работа у них такая. У вас, людей, специалисты по муравьям называют их теплоносами. Они купаются в солнечных лучах. Когда нагрются, наберут много тепла, — бегут в глубину муравейника и там, в нижних этажах, которые солнце не может прогреть, оставляют тепло.

— Им надо много бегать взад-вперед, — заметила Муравейкина. — Они что, как в наших домах батареи отопления?

— Вот именно, — улыбнулся Главный муравей. — В некотором роде.

— Чудеса! — восхитилась Муравейкина. — Как здесь все необычно, интересно. А почему мы идем все выше и выше? Разве те входы-выходы, которые ближе, не для нас? Или в них можно заблудиться?

— Заблудиться в наших переходах легче легкого, — сказал Главный муравей. — Для того, кто ни разу не бывал в муравьином городе, они похожи на лабиринты. Но со мной вы не заблудитесь. Сейчас, сейчас... мы уже почти достигли входа в помещение Высшего совета.

— Ой, а это что еще? — воскликнула Муравейкина, увидев красный цветок. Казалось, он был не воткнут в хвойный купол, а рос на нем.

— Наши любители прекрасного постарались, — с гордостью ответил Главный муравей. — В честь вашего визита. И еще обратите внимание на приветственный лозунг.

Над главным входом, широко открытым для гостей, из разноцветных, аккуратно разрезанных лепестков было выложено, словно приклеено: «Добро пожаловать, дорогие Муравейкина и Середкин!»

— Поскорее, почему вы так тихо ползете?! — крикнул Главный муравей группе муравьев, которая на почти-тельном расстоянии двигалась вверх за Главным муравьем и гостями.

— Мы спешим... — отозвался Главный заготовитель.

Можно было заметить: он действительно спешил изо всех сил, стараясь догнать своих товарищей. Но все время отставал: слишком тяжело ему было ползти на своих коротких ножках и с толстым животом.

— Не судите о нем по внешнему виду, — сказал Главный муравей, заметив насмешливую улыбку на лице Середкина. — Это очень исполнительный и разумный муравей. Одна беда — ест многовато. Сколько раз я говорил ему: «Столько есть — вредно для здоровья!..» Но что поделаешь, — Главный заготовитель! Привык пробовать, вкусную ли еду заготавливают его подчиненные. К концу дня, бывает, так попробуется, — хоть на носилках носи. Не хочет, чтобы у нас животы болели от плохой еды.

— Как темно!.. — воскликнула Муравейкина, шагнув в муравейник. — Легко не только заблудиться, а и себя потерять в такой темноте... Я уже, кажется, потеряла.

— Держись за меня, — сказал Середкин. — Это сразу после солнечного света кажется так. Я тоже еле вижу, куда иду.

— Осторожнее, не споткнитесь, — предупредил Главный муравей. — Сейчас станет светлее.

И действительно, тотчас впереди замерцали голубоватые огоньки. Их становилось все больше, словно где-то включили лампы дневного света.

— Ну, как? — спросил Главный муравей, когда переходы осветились так, что можно было увидеть каждую хвоинку.

— Удивительно! — произнесла Муравейкина. — Мне кажется, что я иду по улицам вечернего города. Только здесь совсем тихо — не слышно машин. Да и вообще ничего не слышно.

— Сейчас мы находимся в самом центре, — пояснил

Главный муравей.— Остается повернуть налево и войти в помещение Высшего совета.

— А откуда свет? — Середкин огляделся.— У вас электростанция работает?

— Нет,— покачал головой Главный муравей.— Электростанции у нас нет. И проводов, лампочек — тоже. Вот, смотрите...

Он подвел гостей к одному из углублений в стене.

— Гнилушка...— разочарованно протянул Середкин, увидев трухлявый обломок.— А почему света не было сразу, когда мы вошли? — спросил он и, желая еще раз убедиться в том, что перед ним гнилушка, пощупал ее.

— Ты любознателен,— удовлетворенно заметил Главный муравей, когда они пошли дальше.— Это очень хорошо. Отвечаю на вопрос: когда мы вошли, ты не видел света потому, что все гнилушки... нет, скажем более научно, все источники света были прикрыты защитными листьями. Мы редко «включаем» освещение — легко обходимся и без него. Но иногда нам хочется,— а сегодня именно такой день! — чтобы в нашем городе было светло, как утром. Тогда защитные листья убираются и все переходы и помещения нашего города освещаются... Но вот мы и пришли, прошу вас повернуть налево,— он услужливо отстранился, пропуская гостей в зал Высшего совета.

Там оказалось еще светлее.

Повсюду: на стенах и в потолке — виднелись углубления, из которых струился спокойный свет.

А в центре зала, над большим столом, выточенным из куска добротной сосновой коры, висела громадная люстра — овальный кусок яичной скорлупы, до самого верха наполненный светящимся деревом.

Сквозь отверстия, проделанные в скорлупе, свет падал прямо на стол.

Люстру надежно удерживали крепкие нити паутины.

На более тонких нитях свешивались украшения — множество шариков застывшей янтарной смолы.

Стол имел не совсем обычную форму: одна сторона

его была сделана прямой. И там стояло высокое кресло, сплетенное из отборной зеленой хвои.

И без объяснений было понятно: это место Главного муравья.

От прямой стороны стол удлинялся, принимая овальную форму, и заканчивался полукружьем.

Вокруг стола стояли кресла поменьше, и предназначались они для остальных членов Высшего совета.

— Располагайтесь,— пригласил всех Главный муравей и придвинул два кресла к своему: одно, слева, для Муравейкиной, другое, справа, для Середкина.

Муравьи, все время следовавшие на некотором расстоянии, расплзлись по своим местам.

— О-хо-хо...— тяжело вздохнул Главный заготовитель.

Середкин заметил, как радостно блеснули его глазки и как повел он усами, увидев на столе соблазнительное угощение — горы сладостей на блюдах из березовых листьев, ягоды в вазах из цветов колокольчиков и капли росы, собранные в чашечки таких цветков, о которых Середкин не имел ни малейшего представления.

— Итак,— сказал Главный муравей, когда все уселись.— Продолжим наше знакомство. Перед едой я хочу напомнить всем муравьям Высшего совета: не надо хватать большие куски — можно подавиться, а кроме того, это неприлично.— Он выразительно посмотрел на Главного заготовителя и пододвинул гостям блюда, на которых лежали самые вкусные сласти и ягоды.

— Спасибо,— сказала Муравейкина и отщипнула кусочек самого вкусного пирожного.

— Спасибо,— сказал Середкин и отправил в рот кусок самой спелой клубничины.

— Не стесняйтесь...— подбодрил гостей Главный муравей.— Может, вы хотите попробовать чего-нибудь необычного, молока тлей, например?..

— Нет, нет!..— в ужасе замахала руками Муравейкина.

А Середкин прожевал кусок клубничины и сказал, вспомнив о том, зачем они пришли:

— Нам бы достать муравьиной кислоты...

— Кислоты? — удивился Главный солдат. — Неужели вы ее пьете? Фу, какая гадость! Мы брызгаем кислотой на врагов, когда нападаем или защищаемся...

— Нет, не пьем, — сказала Муравейкина. — Она нужна, чтобы натирать руки и ноги моей маме. Тогда у нее исчезнет ревматизм и перестанет болеть сердце.

— Муравьиная кислота не помогает от таких болезней, — покачал головой Главный доктор. — Надо делать уколы. В наших больницах так безболезненно делают их, что больные даже не замечают этого. Не хотите ли попробовать?

— Что вы, что вы! — испугалась Муравейкина. — Больше всего на свете я боюсь уколов!

— И еще больше всего на свете она боится лягушек, — не выдержал Середкин. — Ух, как она их боится!

— И лягушек... — смущенно призналась Муравейкина.

— Для того, чтобы сердце чувствовало себя хорошо, надо жить в хорошем доме, — сказал Главный строитель.

— И дом этот должен находиться в местности с хорошими климатическими условиями, — дополнил Главный географ.

— Подождите... — прервал его Главный учитель, листая записную книжку, сшитую из каких-то белых лепестков. — У меня записано название цветка, который помогает от болезней сердца...

— Такой цветок есть... — задумчиво произнес муравей, на которого Середкин обращал меньше всего внимания — настолько тихо тот сидел за столом. — Вы, молодой человек, ошиблись, — тихий муравей внимательно посмотрел на Середкина. — Муравьиная кислота не помогает. А растение, которое лечит сердце, называется живиццветом. Но растет оно в таких глухих местах, что найти его почти невозможно...

— Кто это? — шепотом спросил Середкин Главного муравья.

— Тихе... — прошептал Главный муравей. — Это наш Главный ученый. Он все знает. Даже то, чего не может быть...

— А... — понимающе ответил Середкин. — Среди людей тоже много ученых. Они так много знают, что я их даже боюсь. Хотя ни одного из них пока не видел.

— Нет, я слишком мало знаю, — покачал головой Главный ученый. — А хотелось бы все знать... Если девочка и мальчик пожелают, я после кое о чем расскажу им. Ведь они, наверное, даже не подозревают, что мы знаем о людях гораздо больше, чем им кажется...

— И о нас вы знаете больше, чем нам кажется? — спросила Муравейкина.

— Конечно, — ответил Главный ученый. — Наш отдел наблюдений за людьми знает о вас даже то, чего вы о себе не знаете.

— Ох!.. — съежился Середкин. — Жуть какая...

— Я ведь говорил, — Главный муравей удовлетворенно улыбнулся. — Ученый знает и то, чего не может быть... Друзья! — возвысил он голос. — Мы хорошо поели и поговорили. Давайте поблагодарим наших гостей. Им надо отдохнуть.

— Благодарим! — хором сказали муравьи и зашевелились, покидая свои места.

— И нам надо поблагодарить их, — шепнула Муравейкина Середкину.

— Поблаговари ты, — шепотом ответил Середкин. — У тебя нежнее получится.

Муравейкина умоляюще посмотрела на Середкина: «Разве ты не мужчина!» — говорил ее взгляд.

— Ладно, — согласился Середкин и встал, лихорадочно вспоминая всевозможные благодарственные слова.

— Одну минутку! — остановил всех Главный муравей. — Наш юный друг собирается что-то сказать...

Все замерли в ожидании.

«Вот проклятье! — думал тем временем Середкин. — С чего бы начать?..»

— Знаете,— неожиданно для себя выпалил он.— Вы нам очень понравились!

«Что я говорю...— в отчаянии подумал он.— Надо сказать нечто запоминающееся, значительное... Эх, жаль, нет здесь нашей воспитательницы, она подсказала бы умные слова...»

— Да благодари ты, благодари...— услышал он довольный шепот Муравейкиной.— Неужели не можешь сказать: «Спасибо вам...»

И Середкин сказал:

— Спасибо вам, все было грустно.
Нам расставаться очень вкусно.

Сказал и сам растерялся.

А муравьи в недоумении приподняли усы.

Муравейкина раскрыла рот.

Первым очухался Главный муравей. Он кашлянул и сделал вид, что не заметил несуразицы.

Вторым пришел в себя Главный ученый. Задумчиво посмотрел на сверкающие подвески люстры и вдруг воскликнул:

— Прекрасно! Наш юный друг предложил нам поэтическую загадку. Bravo... Bravo... Как тонко придумано! Поначалу, услышав ее, чувствуешь себя немного ошарашенным. А всего-то, оказывается, надо переставить последние слова строчек. Насколько я понимаю в поэзии, молодой человек выразился так:

«Спасибо вам, все было вкусно.
Нам расставаться очень грустно».

— И нам, и нам грустно расставаться! — зашумели муравьи.

А Главный заготовитель совсем расчувствовался и обнял Середкина.

— У вас необыкновенные ум и сердце! — воскликнул он, отступив на шаг и любясь его лицом.

— Не сочините ли вы нам что-нибудь географиче-

ское? — спросил Главный географ.— Для нашей будущей объемной карты. Хорошо было бы не только любоваться лесами и полями, которые на ней будут изображены, а и прочесть обо всем этом!

— А я хочу получить стихи о работе,— энергично заявил Главный строитель.

— Мне нужны стихи о боевых подвигах,— сказал Главный солдат.

— Необходимы хорошие стихи для муравьят, помогающие воспитывать подрастающее поколение,— сказал Главный учитель.— И еще вы должны написать о тех, кто учит и воспитывает. Вроде песни, где говорится, что ученик никогда не забудет свою первую учительницу.

— А я не смею ничего больше просить,— сказал Главный заготовитель.— В стихах, которые мы слышали, уже сказано, как все было вкусно. Хотя, если бы наш прекрасный друг сочинил еще что-нибудь о вкусной пище, я не только читал бы это каждый день, но повторял бы и во сне.

— Исполни их просьбы,— наклонился к Середкину Главный муравей.— И в первую очередь,— заготовителя. Может быть, он так увлечется стихами, что перестанет объедаться. А то я боюсь, что он однажды лопнет.

— Я попробую...— неопределенно пообещал Середкин.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Главный муравей.— Вы слышали,— будут вам стихи. Сейчас гостям надо немного отдохнуть. А мы, пока они отдыхают, выясним, как скорее найти это волшебное растение — живицвет...

Помещение для отдыха находилось недалеко от главного выхода.

— Мы решили, что вам удобнее будет отдыхать поближе к свежему воздуху,— сказал Главный муравей, вводя гостей в уютное помещение, устеленное свежей травой.

— Не хотим отдыхать! — в один голос воскликнули гости, поняв, что их собираются уложить спать после обеда.

— Спорить бесполезно,— остановил их Главный муравей.— Через два часа вас разбудят.

И — удалился, не добавив ни слова.

Муравейкина и Середкин подошли к приготовленным для них кроваткам-гамакам. Они были сплетены из паутины. На гамаках лежали матрацы из мха, подушки, набитые пухом одуванчика, простыни из лепестков ромашки,— мягкие и белоснежные.

— Я лучше бы покачалась на цветке,— сказала Муравейкина и зевнула.

— И я...— Середкин зевнул вслед за ней.

— Давай,— предложила Муравейкина,— сделаем вид, будто мы спим. А потом встанем потихоньку и пойдем сами поищем волшебное растение.

Середкин кивнул. Снял ботинки, пиджак и бухнулся в гамак.

— Хорошо...— признался он, вытягиваясь во весь рост и чувствуя, что гамак словно обнял его и укачивает.

— Мне тоже удобно...— донесся из другого гамака голос Муравейкиной.

«Какой смешной этот муравей-заготовитель,— подумал Середкин.— И симпатичный. Бедный, ползает, задевая за все толстым животом. Надо обязательно сочинить для него стишок. Пусть читает и меньше ест... Да и все остальные муравьи симпатичные... А что делает Рыжик? Обязательно попрошу, чтобы его освободили от наказания. Разве он виноват, что мы с Муравейкиной не приспособлены ползать в травяных зарослях и короткая дорога оказалась длинной? Он старался изо всех сил... Даже лечил нас...»

Середкин попытался встать, собираясь побежать за Главным муравьем, догнать его и попросить освободить Рыжика от наказания.

— После... после...— прошептал ему на ухо сон, не позволяя подняться.

— Муравейкина!..— крикнул Середкин, стараясь одолеть дремоту.

— После... после...— прошептал сон, побеждая его окончательно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Жук-Бронзовик

Муравейкина и Середкин проснулись одновременно.

И оба, в первое мгновение, не могли понять, где они находятся.

Голубой свет — словно только что наступило утро — освещал подсыхающую траву.

Муравейкиной и Середкину почудилось, будто они попали на луг, где недавно косили.

Но каким образом они попали на сенокос, как оказа-

лись в незнакомом месте, не могли понять, открыв глаза после крепкого сна.

Середкин первым обратил внимание на торчащие хвонинки.

— А-а-а...— вымолвил он и вспомнил, как они здесь очутились.

— И я вспомнила,— сказала Муравейкина.— Мы в гостях.

— Наверное, спали очень долго,— сказал Середкин и потер глаза.

— Нет,— ответила Муравейкина.— Ведь нас обещали разбудить, а никто не будил. Посмотри,— попросила она,— я не лохматая?

— Нормальная,— сказал Середкин, зашнуровывая ботинки.— Пойдем, мы еще успеем найти живицвет... Что это? — спросил он, настораживаясь.— Слышишь, какой-то странный шум?.. Может быть, кто-то пытается разворосшить муравьиный город? Бежим скорее, посмотрим!

Они взялись за руки, выбежали в коридор.

И — отшатнулись. Их чуть не сбили с ног: к выходу с воинственными возгласами мчались муравьи.

Ближние, увидев Муравейкину и Середкина, крикнули им:

— Назад!.. Назад!..

Передние притормозили, чтобы не причинить гостям вреда. Но задние, ничего не понимая, поднажали, и ни о каком «назад» не могло уже быть и речи,— поток муравьев понес гостей к выходу.

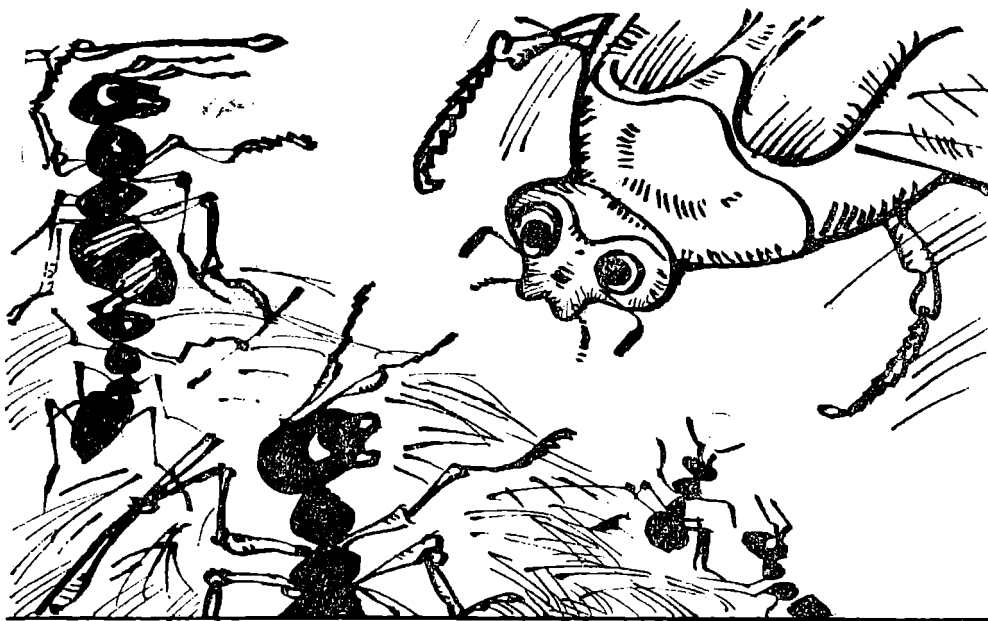
— Держись! — крикнул Середкин Муравейкиной и крепче сжал ее руку.— Если мы упадем, нас затопчут!

Теперь-то он понял, откуда шел неясный шорох. Должно быть, произошло что-то серьезное.

Гости чуть не задохнулись от быстрого бега.

— Я сейчас упаду...— Муравейкина судорожно уцепилась за Середкина.— Ой, не могу больше!

Середкин дернул ее вперед, и они вывалились на склон муравейника.

— Ага!..— раздался над ними злобный голос.— Это им скормили мою самую лучшую клубничину!

Середкин и Муравейкина вскочили на ноги и увидели: вся поверхность муравейника усеяна взволнованными хозяевами. Они приподнимались на задние ноги, угрожающе шевелили усами.

А над муравейником, словно тяжелый самолет, кружил Жук-Бронзовик. Он то взмывал вверх, то камнем падал вниз. Порой казалось, будто он врежется в купол...

— Пугает,— сказал Муравейкиной и Середкину Главный солдат.

Главный солдат, как и подобает бесстрашному полководцу, стоял, отдавая приказы налево и направо, не обращая никакого внимания на опасность.

— Вы сказали Главному муравью о том, что происходит? — спросил он своего заместителя.

— Так точно,— четко, по-военному, ответил тот.— Самый главный сейчас будет здесь.

— Его-то мне и надо...— прогудел Бронзовик.

Жук сложил крылья, бухнулся на ветку над муравейником, прополз по ней до самого конца, свесился и крикнул:

— Эх, и разделаю же я вашего самого главного!.. Так разделаю,— прямо в пух и прах!

— Покрепче держись там,— предупредил Бронзовика Главный солдат.— Как только сорвешься — сразу получишь и пух и прах. Мои герои не станут с тобой церемониться.

— Боюсь я их! — презрительно глянул Бронзовик и, крепче схватившись за ветку, качнулся туда-сюда.

— Что за шум? — спросил подоспевший Главный муравей.

— Разве это шум? — захохотал Бронзовик и начал раскачиваться.— Вот сейчас будет настоящий шум,— пообещал он и расправил крылья.— Берегитесь!

Бронзовик взмыл вверх и начал выделывать всевозможные петли.

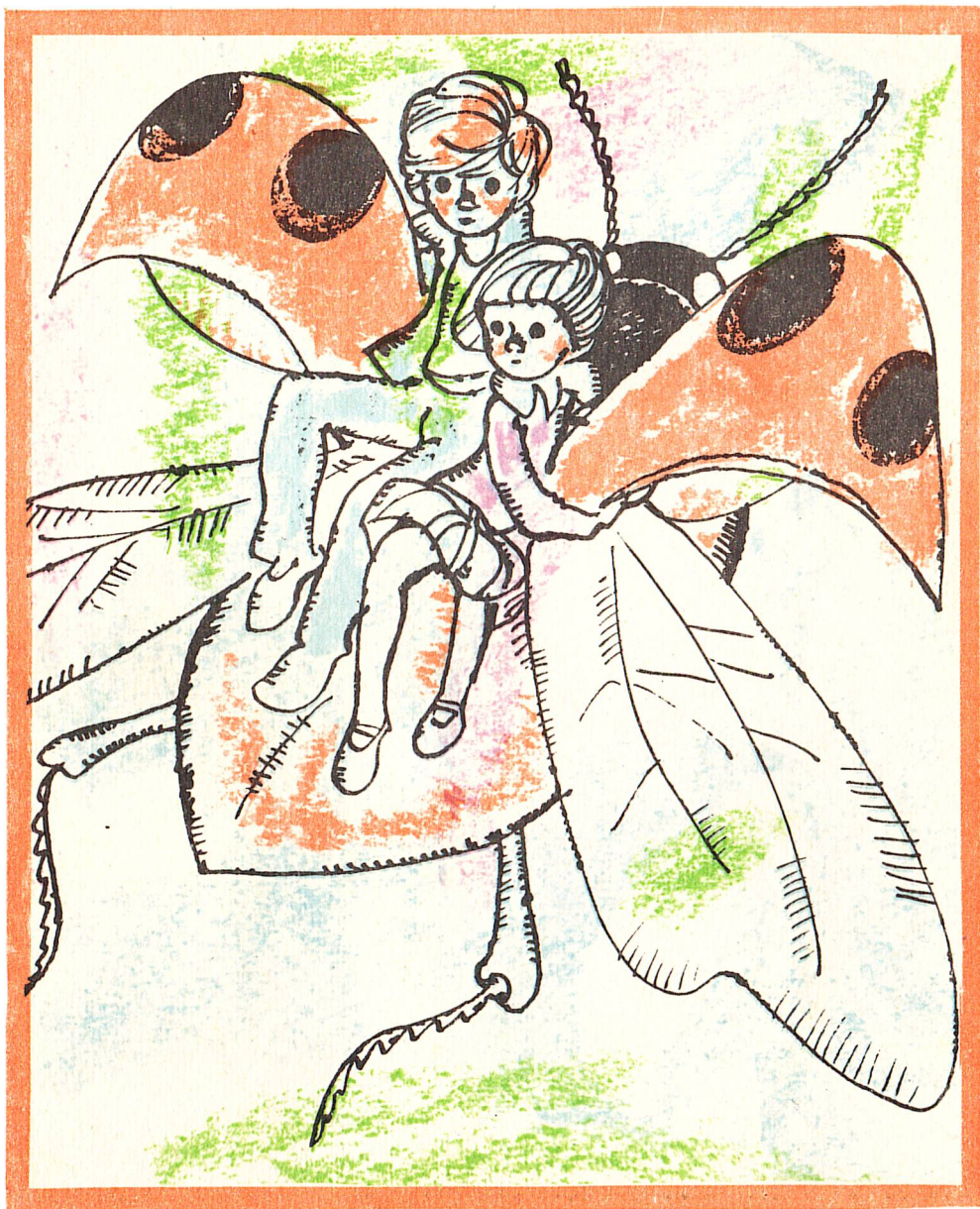
Потом ринулся вниз и на такой скорости пролетел над самым муравейником, что следом за ним хвоя встала дыбом.

— Видал? — спросил он Главного муравья, когда уселся на ветку.— Это еще только цветочки. Сейчас же верни на место мою любимую ягоду. Иначе не отстану!

— Неужели не отстанешь? — с улыбкой спросил Главный муравей.

— Он еще сомневается! — возмутился Бронзовик.— Говорю тебе: ни за что не отстану! Не будет вам покоя ни днем, ни ночью. Надо же, до чего нахальными стали муравьи — украли ягоду и еще смеются. Я вам покажу!

— Во-первых,— спокойно сказал Главный муравей,— ягода принадлежала не только тебе,— большая ее половина находилась на нашей территории. А во-вторых, произошла ошибка. В этом виноват Главный заготовитель. Я на-

кажу его. А твою половину ягоды мы сейчас вернем и готовы извиниться перед тобой.

— Не надо мне половины,— злобно заскрежетал Бронзовик.— Не надо мне и всей ягоды. Я хочу, чтобы она оказалась на своем месте. Желаю любоваться клубничной, а не есть ее!

— Этого сделать мы не можем,— ответил Главный муравей.— Прикрепить ягоду вновь и заставить ее расти не по силам даже нашему Главному ученому. Кроме того, половину ягоды съели гости. Где же ее теперь взять?

— О-о-о...— застонал Бронзовик.— Что же мне, бедному, делать?.. Они ограбили меня... Их много, а я один... О, я несчастный,— притворно всхлипывал он,— где справедливость, нет нигде справедливости...

— Не кривляйся,— остановил Главный муравей поток жалоб Бронзовика.— Тебя никто не обижает. Повторяю: произошла ошибка и мы готовы ее исправить. Вспомни: совсем недавно ваши бронзовки тайно подложили свои личинки в наш муравейник. Разве мы выбросили их, когда нашли?

— А мне какое дело до этого! — воскликнул Бронзовик.— Могли и выбросить, если бы захотели.

— Какой нахальный этот Жук,— шепнула Муравейкина Середкину.— Таких поискать...

— Я нахальный? — Бронзовик уловил шепот Муравейкиной.— Да, я нахальный! — вызывающе заявил он и куснул ветку, на которой сидел.— Таким был, таким и останусь назло всем. Зато я знаю, что надо делать, вот!

Никто не успел опомниться, как Жук спикировал с ветки, схватил Муравейкину.

— Помогите! — отчаянно закричала она.

Середкин подпрыгнул, но лишь успел уцепиться за ее ноги и повис, не в силах помочь Муравейкиной освободиться.

Главный муравей ахнул.

Главный солдат закричал, что надо было давно послать разведчиков на дерево: согнать оттуда Бронзовика.

Но было уже поздно.

Бронзовик сделал над муравейником несколько кругов и взмыл выше деревьев.

Муравейкина и Середкин зажмурились.

Середкину показалось, что руки его одеревенели, а пальцы разжимаются.

— Сейчас упаду... — просипел он, втягивая голову в плечи.

— Туда тебе и дорога, — сквозь стиснутые челюсти сказал Бронзовик, поднимаясь еще выше. — Будешь знать, как есть мои ягоды. Пусть-ка теперь муравьи побегают, поищут. Я вас так спрячу — ни одна разведка найти не сможет.

— Мне больно! — крикнула Муравейкина. — Отпусти сейчас же!

— Могу и отпустить, — согласился Жук, разжимая челюсти.

«Если упадем на мягкую кочку, может, не разобьемся!» — мелькнула у Середкина спасительная мысль.

Он открыл глаза, посмотрел, куда они падают, и увидел камень-валун.

«Конец, — подумал Середкин. — Разобьемся».

Но в этот момент Бронзовик нагнал добычу, подхватил и вновь взмыл выше деревьев.

— Как вам нравится такая игра? — спросил он. — Не хотите ли, чтобы я вас еще разок бросил?

Муравейкина и Середкин промолчали. Да и что они могли ответить, когда ветер свистел в ушах, сердце, казалось, вовсе замерло, а перед глазами мелькали черные круги.

— Так-то лучше, — заметил Бронзовик. — А то кричат: «Нахал!.. Нахал!..»

— По-дожд-ди... — выдавил из себя Середкин. — Скоро я стану опять большим. Тогда отыщу, отомщу за все...

— Чего ты там лепечешь? — спросил Бронзовик. — Помалкивай, пока жив.

Он сделал крутой поворот, снизился и, не долетая не-

много до земли, сбросил Муравейкину и Середкина возле гнилого пня.

— Это вам для полного удовольствия,— издевательски ухмыльнулся он, усаживаясь рядом.— Как, здорово я летаю?

— Отвяжись,— сказал Середкин, еле приходя в себя. И, видя, что Муравейкина не шевелится, простонал: — Ты убил ее...

— Притворяется...— проскрежетал Бронзовик и вытряхнул на нее росу из незабудки.

Муравейкина открыла глаза.

— Я же говорил, что притворяется,— презрительно буркнул Жук.— Сейчас вот свяжу вас покрепче. А то еще, чего доброго, убежите...

Он пнул паучка, развешивающего паутину, сорвал ее и в два счета обмотал Середкина и Муравейкину с ног до головы.

Потом прислонил их спиной к пню.

— Хорошо сделано,— похвалил он сам себя.— Теперь вы похожи на двух куколок... Остается серьезно подумать, как быть с вами дальше.

— Развязать и отпустить,— сказал Середкин.— Пока не поздно.

— Пока тебе не попало как следует,— добавила Муравейкина.

Она пошевелила плечами, дернула ногами и руками, пытаюсь освободиться. Но паутина была крепкой и только сильнее врезалась в тело.

Бронзовик затрясся от смеха.

— Мне попадет? — спросил он и ударил себя в грудь.— Да никто здесь не может справиться со мной. Я в своих владениях. А с вами мне ничего не стоит сделать все, что захочу.

— Хвастайся, хвастайся,— подзадорил Бронзовика Середкин.— Ну, что ты с нами можешь сделать?

— Во-первых,— Бронзовик свирепо топнул ногой,— я могу вас съесть. Раз-два — были вы и нет вас.

— Подавишься,— как можно небрежнее ответил Середкин, хотя все внутри у него похолодело — обещание походило на правду.

— Подавлюсь или не подавлюсь, это уж мое дело,— возразил Бронзовик. Но задумался и, очевидно, засомневался.

Почесав затылок, Жук стал ходить взад-вперед, изредка бросая на пленников косые взгляды и что-то бурча.

Середкин смотрел на него и постепенно приходил в себя.

Ему тоже хотелось почесать затылок, придумать какую-нибудь уловку, чтобы обмануть Бронзовика. Но руки были связаны, сидеть было неудобно.

— Жил да был один чужак...— неожиданно пропел Середкин и засмеялся.

Бронзовик остановился. Удивленно посмотрел на Середкина, потом на Муравейкину.

«Наверное, они не пришли в чувство после падения,— подумал он,— надо попробовать окатить их как следует росой. Чтобы продрогли до мозга и костей!».

Он заглянул в один цветок, в другой. Но роса в них уже высохла, не осталось ни капли.

«Ладно, никуда они не денутся,— решил Бронзовик.— Я крепко их связал. Пусть помучаются, пока я слетаю за водой на болото. Там можно прихватить и болотной тины для примочек».

— Не шевелитесь! — приказал он пленникам.— Я пойду в тень, подумаю, как с вами расправиться. Если услышу, что пробуете развязаться,— сразу съем и все!

Жук сначала отошел за пень. Повозился там, чтобы Середкин и Муравейкина слышали: он близко.

Потом Бронзовик потихоньку отполз подальше, взлетел и глянул: заметили или нет?

— Порядок...— успокоился он, увидев, что пленники сидят и не двигаются.

Но он ошибся.

Муравейкина первой услышала удаляющееся гудение.

— Жук улетел,— сказала она и с надеждой посмотрела на Середкина.

— Кажется, улетел,— отозвался Середкин.

— Может, он бросил нас, ему надоело возиться с нами?

Середкин отрицательно мотнул головой.

— Тогда поскорее надо разорвать эту мерзкую паутину! — воскликнула Муравейкина.— Мы успеем убежать и спрятаться до его возвращения.

— Порвешь ее, как же...— отозвался Середкин и покраснел от натуги.— Вот если бы найти осколок стекла.— Он с надеждой взглянул в заросли травы.

В глубине что-то блеснуло.

— Есть! — обрадовался Середкин и перекатился с боку на бок.

— Скорее, скорее...— торопила его Муравейкина, перекатываясь следом.

Трудно сказать, что там блеснуло. Может, действительно, осколок стекла. А может,— солнечный луч сверкнул, кто знает. Середкин и Муравейкина не успели проверить — послышалось нарастающее гудение. А вслед за ним пленники услышали: Бронзовик плюхнулся около пня.

— Затаимся,— сказала Муравейкина.— Пусть он хоть немного нас поищет.

Она даже хихикнула, стараясь угадать, чем занимается враг.

А враг, полагая, будто пленники сидят на прежнем месте, не спеша зашлепал к ним из-за пня.

Бронзовик был доволен: на болоте нашел прошлогоднюю клюквину — дряблую и лопнувшую. Набрал в нее воды, словно в полиэтиленовый мешок. И еще прихватил тины.

Он двигался со шлепком тины на голове, волочил клюквину, в которой булькала болотная жижа, и бормотал свою любимую песенку, которую пел еще его дед:

Мы летаем высоко,
смотрим без опаски.
Больше нет ни у кого
бронзовой окраски.
Золотые мы почти,
есть нам чем гордиться.
Попадешься на пути —
должен поклониться.
Каждый, кто захочет жить,—
станет мне всегда служить!

Жук двигался медленно. Ему тяжело было тащить болотную жижу. Он успел два раза пробормотать песенку, прежде, чем остановился, не увидев пленников.

— Может, я не здесь их оставил, а у другого пня? — спросил он сам себя.— Или плохо вижу, тина мешает?

Бронзовик запыхтел, сдирая ее с головы.

— Вот пристала, зараза,— сердился он, соскребая остатки, неловко повернулся и пролил болотную жижу.

— У-у-у-у-у!..— закружился он на одном месте, в бес-
сильной ярости затопал ногами.

— Сочини какой-нибудь стишок,— шепнула Муравей-
кина Середкину.— Пусть Жук поймет, что мы его не бо-
имся. Ведь Бронзовик все равно нас найдет.

— Ладно...— согласился Середкин, призывая на по-
мощь всю свою силу воли.

Через минуту еще раз убедился: воля помогает.

— Готово! — крикнул он.

Крикнул так громко, что Бронзовик, топтавшийся око-
ло пня, плюхнулся от неожиданности в болотную жижу и
оторопело выпучил глаза.

— Читай,— потребовала Муравейкина.

И Середкин, хрипловатым от волнения голосом, про-
чел:

— Бронзовик нас хочет съесть.
Если мы погибнем здесь,
мой отец наверняка
не помилует Жука.

— Фу...— презрительно сказал Бронзовик, поднима-
ясь из болотной жижи.— Подумаешь... Да он и не узнает,
что с вами случилось... А все-таки, кто твой отец? — поин-
тересовался он на всякий случай.— Может быть, лесни-
чий?..

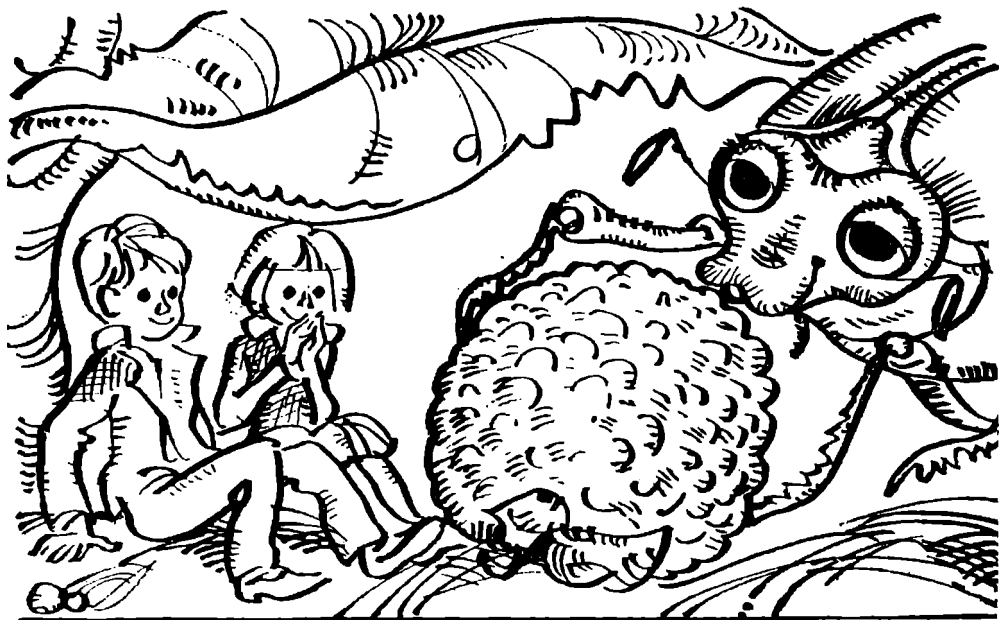
— Мой отец,— гордо сказал Середкин,— самый силь-
ный и справедливый человек. Он ученый, борется с загряз-
нением окружающей среды. Вот!

Жук остановился в двух сантиметрах от пленников,
распустил и опять сложил крылья.

И вдруг, бормоча: — Почему же ты мне раньше об
этом не сказал! — бросился развязывать, разрывать пау-
тину.

— Что, испугался моего отца? — спросил Середкин и
потер затекшие руки и ноги.— Он бы тебе задал!

— Очень надо — пугаться! — презрительно ответил
Бронзовик.— Я освободил вас потому, что твой отец хоро-
ший человек, борется с разной дрянью. А то жить уже не-

возможно становится от разных порошков, которыми посыпают лес и траву. Начнешь грызть лист или стебель, а там — отрава. Тьфу! — плюнул он, вспомнив, как недавно чуть не отравился.

— Значит, ты не будешь больше пугать и связывать нас? — спросила Муравейкина.

— Конечно, не буду, — сказал Бронзовик. — Если бы я знал раньше... — Он неожиданно распустил крылья, взлетел и тотчас вернулся с двумя спелыми клубничинами.

— Вот... — Он положил одну из них перед Середкиным, а вторую перед Муравейкиной. — Угощайтесь. Эти еще лучше той, которую сорвали для вас муравьи... А как вы попали к ним, что вам надо у муравьев? — спросил он, наблюдая, как его бывшие пленники едят клубничины.

— Мы пришли за лекарством для ее мамы, — Середкин отер с губ сок и глянул на Муравейкину. — Муравьи говорят, что есть какое-то растение — живицвет...

Бронзовик задумался. Встал и медленно зашагал туда-сюда, повторяя:

— Живицвет... Живи-цвет... Вспомнил! — вскрикнул он обрадованно.— Я видел его в самом дальнем конце болота. Он такой маленький, что едва заметен... О, я помогу вам найти этот цветок, буду служить, как говорят в сказках, «верой и правдой».

— А как же быть с песенкой? — спросила Муравейкина.

— С какой песенкой? — не понял Бронзовик.

— В которой бронзовики хвастаются, что они почти золотые и каждый, кто захочет жить, должен им служить.

— Эту старую песенку я бормочу только тогда, когда бываю слишком раздражен,— сказал Бронзовик.— Знаете,— грустно добавил он,— становится все труднее и труднее существовать. Того и гляди, поймают или отраву какую-нибудь съешь...

— Не переживай,— пожалела Бронзовика Муравейкина.— У меня мама болеет, да и сам ты нас чуть не съел. Всем бывает трудно, не только тебе. Лучше не будем жаловаться и полетим искать цветок, а?

— Садитесь,— кивнул Бронзовик и раздвинул крылья.— Я мигом вас домчу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Заповедный цветок

Там, где должен был расти заповедный живицвет, пахло прелыми листьями.

— Сюда, за мной,— сказал Бронзовик и пополз, словно бульдозер, отпихивая в стороны травяной хлам.

Он пыхтел, стараясь получше расчистить дорогу Середкину и Муравейкиной, переваливался с боку на бок.

— Сейчас, сейчас вы его увидите,— предупредил Бронзовик, когда они взобрались на корень осины у самой ямы с кустами и густой травой.

— Тссс...— донесся из ямы предупреждающий шепот.— Не шумите... Здесь никому не разрешается шуметь...

— Кто это? — испуганно спросила Муравейкина.— Я никого не вижу... А правда, какая в яме тишина... Даже кузнечиков не слышно.

— Ерунда,— сказал Середкин.— Никого там нет. Ветер прошуршал, наверное.

— Есть... есть...— донесся новый свистящий шепот, и на дне ямы зашевелилась такая здоровенная змея, что у Муравейкиной и Середкина остановилось дыхание.

Первым опомнился Середкин.

— Бежим! — крикнул он.

— Куда же мы убежим? — вздрагивая, ответила Муравейкина.— Она сразу догонит нас.

— Догоню вас...— подтвердила змея, играя раздвоенным языком и приподнимаясь все выше и выше.— Еда сама пришла ко мне... Почему бы мне и не пообедать...

Не торопясь, она двинулась из своего укромного места к неосторожной троице.

— Скорее, скорее...— спохватился Бронзовик, преодолев оцепенение.— Мы еще успеем...

Он подхватил Муравейкину и Середкина, взмыл почти вертикально к самой высокой ветке осины. Только там, почувствовав полную безопасность, отдышался.

— Что, Медянка,— спросил насмешливо,— не удалось пообедать?

— Еще попадешься...— прошипела змея, укладываясь на прежнее место.— Никуда от меня не денешься...

— А мне показалось, это гигантский удав...— сказал Середкин,— такая громадина...

— Удавы живут только в жарких странах,— уточнила Муравейкина, сдерживая дрожь: она еще не опомнилась от неожиданной встречи.

— Может, это гадюка? — предположил Середкин, наклоняясь, чтобы лучше рассмотреть бурую спину змеи с рядами черноватых пятен.

— Нет,— сказал Бронзовик.— Самая настоящая Ме-

дянка. Из семьи ужей. Я давно ее знаю. Не понимаю только, зачем она приползла в эту яму — лучше бы грелась на своей солнечной поляне...

— Тебе-то какое дело! — Медянка раздраженно качнула головой: — Куда хочу, туда и ползу...

Она улеглась окончательно и, как показалось Муравейкиной и Середкину, задремала.

Но Бронзовик знал: Медянка моментально нападет, стоит только приблизиться к ней.

«Плохо, очень плохо получилось, — размышлял он, в задумчивости покусывая осиновый листок. — Как бы ее выгнать из ямы или отманить?..»

Он перебрал все известные ему способы и ничего не придумал.

Если спуститься к ней, пролететь так близко, чтобы она погналась, — Медянка выползет из ямы. Но, увидев, что Бронзовик возвращается, — приползет на прежнее место.

А выгнать, — как ее выгонишь?! Такую громадину мог бы напугать только Жук-Нарывник. Он ядовит, и поэтому никто не трогает его. Но Бронзовик поссорился с ним, и тот, конечно, не станет помогать...

«Ладно, — решил Бронзовик. — Попробую обмануть Медянку».

Он взлетел на вершину осины, привстал, словно вглядываясь вдаль, и с возгласом: «Что я вижу, что я вижу!» — кубарем скатился до самой нижней ветки.

— Что ты видишь? — спросили Муравейкина и Середкин, не подозревая, какую игру затеял Бронзовик.

— Там, на солнечной поляне, — как можно громче прокричал Бронзовик, — тьма самых разных жуков... Наверное, случилось что-то невероятное!

— Каких жуков? — спросила Медянка, раскручиваясь, словно потягиваясь. — Где ты их увидел?

— На твоей поляне, — пояснил Бронзовик. — Если не веришь, залезь на вершину дерева и посмотри. Оттуда хорошо видно.

— Высоко...— заметила Медянка, приподнимаясь.— Да и лезть не стоит, я и так слышу, что там никого нет.

— Слышишь?..— удивился Бронзовик.— У тебя такой хороший слух?

Медянка рассмеялась.

— Эх,— сказала она, вдоволь насмеявшись,— и обмануть-то не можешь как следует.

— Ну и ладно! — рассердился Бронзовик.— Я не стал бы тебя обманывать, но ты разлеглась в яме и не даешь нам найти заповедный цветок, который помогает от всех болезней. Уползай скорее, а не то!..— Бронзовик замолк, подыскивая угрозу.

— Так вот зачем вы пришли,— сказала Медянка, не обращая внимания на последние слова Бронзовика.— Мне тоже необходим этот цветок. Сегодня в полночь, когда выйдет луна, он должен раскрыться на несколько секунд. Я вдохну его запах и тогда смогу жить без всяких болезней долго-долго.

— Вдохнешь в следующий раз,— чувствуя, что Медянка не сдвинется с места, буркнул Бронзовик.— Ты и так здорова. А у девочки мать тяжело болеет. Ее обязательно надо вылечить.

— Пусть приводит свою больную мать нынче ночью,— заметила Медянка.— Цветок расцветает один раз в два года. Не ждать же мне целую вечность! Кроме того,— змея сердито зашуршала прошлогодними листьями,— заповедный цветок один на весь лес. Я не позволю его забрать никому. Слышите,— ни-ко-му!..

Бронзовик, Середкин и Муравейкина не нашлись, что ответить. Медянка права— это было очевидно. Нельзя взять из леса один-единственный цветок... Но и взять его необходимо. Как быть?

Первой придумала Муравейкина.

— Мы его выкопаем, а когда моя мама вылечится, посадим обратно,— сказала она и с надеждой посмотрела на змею.

— Нет, нет...— запротестовала Медянка.— Я не могу

ждать два года. Люди часто принимают меня за гадюку. Пугаются и начинают бить палкой. Мне уже не раз попадало, к счастью, не до смерти. А когда я подышу запахом живицета,— удары мне станут не страшны.

— А мы расскажем всем, что тебя не надо трогать, что ты безвредная...— сказал Середкин.

— Хорошо, если бы все научились отличать меня от гадюки,— сказала Медянка.

— Научатся...— успокоила ее Муравейкина.— Мы, как только вернемся в лагерь, сразу начнем рассказывать о том, что здесь живешь ты, а не гадюка.

— Ладно, пусть будет по-вашему,— уступила Медянка.— Спускайтесь, выкапывайте цветок. Только осторожнее, не повредите корни!

Середкин и Муравейкина были поражены, когда увидели живицет.

Он оказался таким неприметным и маленьким, что Муравейкина еле разглядела его на дне ямы. Вот так заповедный цветок! — всего-то пять сжатых голубых лепестков и тоненький стебелек. Даже сейчас, при ее муравьином росте, он умещался на ладонке.

Середкин сказал, внимательно оглядев цветок со всех сторон: |

— Теперь я понимаю, почему ни в одной больнице им не лечат. Он так мал, что люди просто не могут его найти.

Бронзовик осторожно подрыл землю вокруг цветка, упаковал его в кулек из тонкой бересты, обвязал кулек паутиной, чтобы удобнее нести.

— Не забудьте посадить его потом на место,— напомнила Медянка и прислушалась.

Прислушались и все остальные.

— Кто-то идет сюда,— сказал Бронзовик.— Да не один. Я слышу топот множества ног.

Он взлетел повыше и увидел: к яме, в полном боевом порядке, двигались муравьи.

— Сюда идет муравьиное войско! — крикнул он Серед-

кину и Муравейкиной.— У меня сейчас нет никакого желания с ними разговаривать. Прощайте!

И — улетел.

— Поползу и я на свою поляну,— сказала Медянка.— У меня тоже нет желания встречаться с муравьями, когда они настроены воинственно. Не забудьте о цветке и о том, что вы обещали научить людей отличать медянок от гадюк.

— Не забудем...— в один голос пообещали Муравейкина и Середкин вслед Медянке.

Только она исчезла в зарослях, как на краю ямы показались муравьи. Увидев своих гостей целыми и невредимыми, они радостно засуетились и еще быстрее устремились к ним.

— Вы живы? — спросил Муравейкину и Середкина Главный солдат и даже ощупал их, словно не верил глазам.— Как же этот негодяй Бронзовик вас отпустил? Наверное, нас испугался!

— Жук не только отпустил, но и помог найти заповедный цветок,— вот он! — Середкин торжественно поднял с земли кулек из бересты.

— Только потом, когда моя мама вылечится, его обязательно надо будет посадить на прежнее место,— добавила Муравейкина.

— Сделаем,— сказал Главный солдат и приказал муравьям: — Построиться в походные колонны! Четыре, самых сильных,— ко мне!

Четыре муравья-силача подбежали, крепко вцепились с четырех сторон в брусничный листок и повезли-потасили на нем Середкина и Муравейкину.

— Быстрее, быстрее...— поторапливал их Главный солдат, помогая силачам на подъемах и спусках.— Нас ждут!

Возвращались весело. Ярко светило солнце. Птицы пели прекрасные песни. И Муравейкина подпевала им. Она была счастлива — ведь у нее был теперь волшебный цветок, который вылечит ее маму!..

О том, что не может быть,
а может и быть...

Середкин и Муравейкина попали сначала в объятия Главного муравья, а потом в объятия муравьев Высшего совета. Остальные тоже захотели обнять их.

Но Главный муравей сказал:

— Нельзя. Гости не выдержат миллиона объятий.

И разрешил обнять гостей только одному из каждого ста тысяч. Выбирали тех, которые сделали для гостей больше других. В числе десяти, к большой радости Муравейкиной и Середкина, оказался Рыжик.

— А мы сразу, как ты исчез, спрашивали о тебе, — сказала ему Муравейкина. — И узнали, что тебя наказали из-за нас. Ты до сих пор еще наказанный?

— Нет, — ответил Рыжик. — Меня давно освободили от наказания. Сразу после того, как вас унес Бронзовик. Ведь я — разведчик...

— Ты ходил с муравьиным войском? — спросил Середкин. — Почему же мы тебя не видели?

— Потому, что я шел не со всеми, — многозначительно шепнул Рыжик. — Когда наши подошли к владениям Бронзовика, меня послали искать вас. Ведь могла начаться война, так?

— Так, — кивнули Муравейкина и Середкин.

— Вот мне и поручили, — шепотом продолжал Рыжик, — освободить и спрятать вас в безопасное место на всякий случай. Во время боя всякое могло произойти. Вернее всего, Бронзовик, увидев, что побежден, уничтожил бы вас. Он такой!

— Он уже не такой, — с улыбкой сказала Муравейкина. — Мы перевоспитали его.

— А почему тебя не видно было, когда муравьи нас нашли? — спросил Середкин.

— Я догнал вас только у самого муравейника.

— Все кончилось,— сказала Муравейкина.— Теперь мы не расстанемся. Сейчас попросим Главного муравья, чтобы он оставил тебя с нами.

— Не надо,— сказал Рыжик.— Тем более что мне поручено охранять вас. Теперь я буду с вами до конца.

— А ты не знаешь, что мы теперь будем делать? — спросил Середкин.

— Знаю,— кивнул Рыжик.— Сначала вас осмотрит Главный доктор. А потом вы пойдете с Главным ученым в его заветные помещения. Туда мало кого пускают...

И точно: не успел Рыжик закончить, как Главный доктор сказал:

— Друзья мои, пойдите со мной. Вас надо немного осмотреть и немного полечить.

— Я не хочу уколов! — испугалась Муравейкина.— Не хочу!..

— Никаких уколов не будет,— успокоил Главный доктор.— Мы только смажем царапины соком трав и присыплем цветочной пылью.

— Вам нечего бояться,— успокоил Муравейкину, а zároveň и Середкина Главный ученый.— Ручаюсь...

Середкин усмехнулся.

«Чего нам бояться,— подумал он.— Мы не особенно-то испугались даже Бронзовика...»

Он хотел сказать это. Но — странное дело: хотя раньше не пропускал случая похвастаться и хвастался даже выдуманными геройскими поступками, теперь, когда было что вспомнить и рассказать,— рассказывать не хотелось.

— Мы не спрашиваем сейчас ни о чем,— сказал Главный муравей.— Но после нам хотелось бы узнать о вашем плене.

«Ни сейчас, ни после», — подумал Середкин.

Посмотрев на Муравейкину, он понял: ей тоже не хочется вспоминать о том, что было...

— Здесь не больно? — спросил Главный доктор, осторожно прикасаясь к рукам, спине.

— Странно, странно... — заключил он, выслушав отрицательные ответы. — По-моему, оба вы здорово ушиблись — такое впечатление, будто вас сильно бросали несколько раз. Ну, и в довершение ко всему, — ссадины...

Делать уколы гостям не стали.

Но по блестящим глазам Главного доктора Муравейкина и Середкин поняли: доктору очень хотелось показать гостям, как он может безболезненно колоть.

Лечение кончилось тем, что их вымазали с ног до головы соками разных трав, ссадины присыпали цветочной пылью. И еще заставили проглотить какие-то сладкие таблетки.

— Теперь все в порядке, — сказал Главный доктор Главному ученому. — Передаю гостей в ваши руки. Следите, чтобы они не утомлялись от разговоров и побольше пили земляничного сока пополам с росой.

— Я прослежу, прослежу за этим, — несколько раз кивнул Главный ученый. Но по тому, как он рассеянно огляделся, Муравейкина и Середкин решили: обязательно забудет.

И — не ошиблись.

Усадив гостей в удобные мягкие кресла своего кабинета, Главный ученый вполз в свое — такое большое, что в нем свободно можно было улечься спать, и спросил:

— Как вы думаете, до вас появлялись такие маленькие люди, как вы, — или нет?

— Нет, — уверенно ответила Муравейкина. — Мы первые.

Она училась только на пятерки. И всегда отвечала уверенно.

— Раньше нас таких не было, — ответил Середкин менее уверенно. — Если бы они появлялись — нам бы обязательно рассказали об этом в школе.

Середкин учился хуже. Пятерки у него бывали, как говорил отец, только по большим праздникам. Поэтому,

сказав вслед за Муравейкиной то же, что и она,— Середкин засомневался: может быть, в школе и говорили о подобных случаях, а он прослушал?..

— Так, так...— разочарованно покачал головой Главный ученый.— Я предполагал: люди не всегда внимательно относятся к тому, что знают.

— Но мы никогда не слышали и не читали о таких людях!— воскликнула Муравейкина.— Честное слово!

— Никогда,— более уверенно подтвердил Середкин.

— А про Гулливера и его приключения в стране лилипутов читали?

— Это сказка!— в один голос воскликнули Муравейкина и Середкин.— Ведь на самом-то деле такого не было!

— Как знать, как знать...— опять покачал головой Главный ученый.— Можно, конечно, сказать, будто и Дюймовочки не было. А можно предположить, что— была. Во всяком случае, сказка-то о ней есть! Кстати: каков ее рост, чему равен?

— Маленькая,— сказала, не задумываясь, Муравейкина,— вроде меня.

— Дюйму и равен был ее рост,— сказал Середкин.

— А сколько в дюйме сантиметров, миллиметров?— спросил Главный ученый.

— Кто его знает,— за себя и Муравейкину сказал Середкин.— Мы не интересовались.

— Всем надо интересоваться до конца,— наставительно произнес ученый.— Тогда и поймете больше. Так вот: рост ее был равен двум с половиной сантиметров... или сантиметрам?— задумался он.— Да, конечно,— двум с половиной сантиметрам. Так правильно надо говорить. В нашем муравейнике ей показалось бы тесновато. Наверное, на ее пути не было более крупных муравьев, иначе она обязательно погостила бы у них. Так я думаю... Может быть, даже навсегда осталась бы с ними. У гостеприимных муравьев ей бы жилось прекрасно.

— Вы хотите, чтобы мы навсегда остались у вас?— спросила Муравейкина.

— О, нет,— ответил Главный ученый.— Этого не может быть. Вы оказались у нас по счастливой случайности. Так я думаю. Погостите и вернетесь домой... Я хотел сказать, в пионерский лагерь,— поправился он.— У каждого— своя жизнь. Но будет неплохо, если люди станут лучше понимать нас. А мы—людей. Это принесет только пользу...

— Знаем, знаем,— сказал Середкин.— Вы и так приносите много пользы. Оберегаете лес от разных вредителей... А можно мне задать вам вопрос?

— Конечно! — обрадовался ученый.— Я очень люблю отвечать на вопросы.

— Вопрос такой.— Середкин наморщил лоб.— Нам сказали, будто вы заранее знали о том, что мы к вам придем. Откуда вы узнали об этом?

— Нет ничего легче! — рассмеялся Главный ученый.— Мы заметили: ты пошел к муравейнику, удивился, почему не видел его раньше, и заинтересовался им. Остальное— дело предположений и фантазии. Могла быть и ошибка. Но на этот раз, как сам видишь, ошибки нет. Больше надо верить в невозможное, мой друг! — воскликнул он.— Тогда необычное может стать обычным. Понятно?

— Понятно...— разочарованно ответил Середкин, не ожидавший такого простого ответа.

Он хотел еще о чем-то спросить, но ему помешал Рыжик.

— Перерыв! — решительно потребовал он, входя в кабинет ученого и вручая каждому по чашечке земляничного сока пополам с росой.— Вы забыли,— обратился он к ученому,— доктор запретил утомлять гостей бесконечными разговорами.

— Я ничего не забыл,— раздраженно ответил Главный ученый и повернулся к Середкину.

— Пе-ре-рыв,— неумолимо повторил Рыжик.

— Как вы смеее прерывать меня? — заерзал в кресле Главный ученый.— И вообще: кто вы такой, что вам здесь надо?

— Это Рыжик,— сказала Муравейкина.— Он охраняет нас.

— По поручению Главного муравья,— добавил Середкин.

— Ах, да! — вспомнил ученый.— Простите... Я, действительно, увлекся разговором. Прервемся на десять минут.

— На пятнадцать,— поправил Рыжик.— Расслабьтесь, ни о чем не думайте.

— И мне — расслабиться, не думать? — возмутился ученый.— Но я не могу не думать, не могу. Понимаете?..

— Отдыхать! — приказал Рыжик, не слушая протестов ученого.

— Тьфу! — сказал безнадежно Главный ученый.— Придется отдыхать, ничего не поделаешь.

Середкин подмигнул Рыжику: пусть, мол, ученый отдохнет, он старый, ему обязательно надо отдохнуть. А мы — тем временем поиграем.

Но Рыжик сделал вид, что ничего не заметил.

«Эх ты, а еще другом назывался...» — подумал Середкин, закрывая глаза.

Закрала глаза и Муравейкина.

Несколько минут она полулежала в кресле просто так, а потом начала думать.

Во-первых, она подумала о своей прическе и о платье. После отдыха надо не забыть причесаться и хорошенько посмотреться в зеркало. А то Главный доктор ее осмотрел, а она себя — нет. Надо же! Платье — все в пятнах от сока и зелени. В муравейнике-то не очень заметно, но потом, когда Анна Константиновна увидит, — она может упасть в обморок.

Во-вторых, Середкин, кажется, теперь уже крепко подружился с ней. И Муравейкиной не хочется с ним расставаться. Но скоро придется уезжать из лагеря. И никто не знает, как дальше пойдет их дружба. Здесь они вместе, а в городе — разъедутся по разным районам, пойдут дела — школьные и нешкольные... «Надо взять с него честное сло-

во, что он всегда, что бы ни произошло, будет дружить со мной. Так вернее», — подумала Муравейкина.

И еще Муравейкина подумала о родителях: как-то они сейчас отдыхают без нее? И как передать им цветок — ведь он должен расцвести, когда выйдет луна...

Думал и Середкин.

Во-первых, о том, что сила воли у него, кажется, крепнет. Потом он еще займется гимнастикой... Когда опять станет большим и вернется в лагерь. Там он уже не отстанет от физрука, пока тот не обучит его всему, что сам умеет делать.

Во-вторых, Середкин подумал о Муравейкиной. Какая смелая девчонка! Не ноет, когда ушибется. Не испугалась Жука-Бронзовика! Такие редко встречаются. Как жалко, что она учится в другой школе. Но, когда они вернутся в город, Середкин будет ездить к ней каждый день. Они вместе пойдут в кино, в цирк... Только надо не забыть взять с нее самое честное слово, что она всегда будет дружить только с ним, Середкиным...

А еще он подумал о родителях. Что, если им рассказать о муравейнике и муравьях, о встрече с Медянкой и о том, как они нашли заповедный цветок?..

Но тут же, мысленно, сказал сам себе: «Нет. Ничего не получится. Мама скажет, что все это мне приснилось. А папа начнет винить воспитателей, будто они жарят детей на солнце до тех пор, пока детям не полезет в голову всякая чертовщина».

Не отдыхал и Главный ученый.

Впрочем, он не отдыхал никогда. Даже сны ему снились словно по заказу: все, что не успевал досообразить днем, досоображалось во сне. И это длилось и длилось, как многосерийный бесконечный фильм.

Он еще продолжал думать, когда оттуда, где стоял Рыжик, донеслись возмущенные голоса:

— А я говорю, что мне разрешили войти в кабинет Главного ученого!

— И мне... И мне!!!

— Нет, не войдете,— отвечал Рыжик.— До тех пор, пока не закончится перерыв.

— Кто это? — спросила Муравейкина.— Мне кажется, будто я слышу голос Главного заготовителя.

— Сейчас посмотрим,— сказал ученый и крикнул Рыжику: — Пропустите, мы уже отдохнули!

В кабинет друг за другом вошли:

Главный географ.

Главный строитель.

Главный солдат.

Главный учитель.

Главный доктор.

А Главный заготовитель появился пятясь, волоча за собой поднос из березового листа, на котором специально для гостей красовались две земляничины. Он сам вырастил их в укромном месте, где любил отдыхать на берегу небольшой лужи.

— Извините, что помешали! — в один голос сказали все, кроме Главного заготовителя.

А тот еще некоторое время пыхтел, пытился, подтаскивал гостям угощение. И только после того, как оно оказалось перед ними, сказал:

— Извините, я, кажется, немного задержался.

Потом поклонился. Налево — девочке, направо — мальчику.

— Что привело вас? — важно спросил ученый муравьев Высшего совета и жестом предложил расположиться на диванчиках, стоящих вдоль стен.— Вы принесли какое-то важное известие?

— Мы ничего не принесли, кроме земляники,— ответил Главный заготовитель.

— И кроме беспокойства о здоровье наших гостей,— добавил Главный доктор.— Мне показалось, что им забывают давать то питье, которое я прописал. Немедленно дайте девочке и мальчику земляничный сок с росой!..

Муравьиные автобусы и самолеты

Середкин только успел раскрыть рот, чтобы сказать, какой вкусный сок они пили, как вдруг услышал глухие удары. Словно кто-то пришел и стукнул в муравейник несколько раз:

«Бум-бам-бах...»

Подождал немного и снова:

«Бум-бам-бах...»

И — затарабанил без остановки.

— Что это? — спросил Середкин, удивляясь, почему муравьи не обращают никакого внимания на странные удары.

— Дождь пришел, — ответил Главный ученый.

Прислушался и добавил:

— Длинный дождь.

— Я хочу посмотреть на длинный дождь, — немедленно заявила Муравейкина. — Пойдемте скорее, пока он не прошел... Знаете, как весело бегать под дождем!

— Не стоило бы, — поморщился Главный учитель. Он любил осторожность. — Бывают очень большие дождины. Некоторые накрывают с головой.

— Ну и пусть накрывают, — не испугалась Муравейкина. — Вода в речке тоже не раз накрывала меня с головой. Пойдемте!

...Ветки сосны защищали хвойный купол от дождя. Но налетающие порывы ветра встряхивали их. И тогда на муравейник обрушивался нескончаемый поток.

— Не пуцу, — сказал Рыжик, загораживая гостям выход. — Это опасно. Вы уже один раз выскочили и попали к Бронзовику. Главный муравей прикажет безжалостно наказать меня, если с вами еще что-нибудь случится.

— Рыжик, миленький... — стала упрашивать Муравейкина. — Мы только чуть-чуть посмотрим на дождь! Ну, что

с нами может случиться? Ведь никто сейчас не летает и не ползает, все попрятались...

Рыжик заколебался. Четкого приказа — выпускать гостей на дождь или нет — он не получал. Главный муравей приказал охранять, но не приказывал запрещать гостям делать то, что они захотят.

— Ладно, — уступил Рыжик. — Только недолго.

— Всего одну минутку, — пообещала Муравейкина. — Самую маленькую минутку! — и, потянув Середкина, выскочила наружу.

Там, над цветами, повисли десять... нет, двадцать маленьких радуг. Каждая из них была словно разноцветный выгнутый мостик от цветка к цветку. Не хватало только пешеходов. И Муравейкина рванулась бы туда — попробовать хотя бы ступить на один из мостиков. Но большая капля брякнулась на нее с высоты, Муравейкина только успела сказать: «Пой...» и утонула в капле вместе с окончанием слова.

— Что, — спросил Середкин, когда она вынырнула, — о чем надо петь?

— Я хотела сказать: «Пойдем бегать по мостикам!»

Ответить Середкин не успел: вторая капля плюхнулась прямо на него.

— Ой, тону! — закричал Середкин дурашливым голосом и замахал руками, делая вид, что никак не может выплыть.

— Возвращайтесь, скорее возвращайтесь!.. — умолял Рыжик.

Но Середкин и Муравейкина, прежде чем вернуться, ещё немного прокатились по скользкой хвое. А потом вскарабкались на вершину муравейника и сплясали какой-то непонятный танец.

Он состоял из вскрикиваний, притопываний, прихлопываний в ладоши и кружений на одной ноге.

Неизвестно, понравился бы танец воспитательнице Анне Константиновне и родителям или нет, зато сами танцоры были от него в восторге.

— Уффф...— устало вздохнули они, неохотно возвращаясь в муравейник.

— Вы заставили нас волноваться,— упрекнул прямо у порога гостей Главный ученый.

— Да, да...— подтвердил доктор.— Мы очень волновались. Во время крупных дождей надо отсиживаться под крышей.

— Даже строители прекращают работы в дождь,— сказал Главный строитель.— С дождями шутки плохи. Они могут не только оглушить, но и смыть в какую-нибудь лужу.

— А по-моему, ребята молодцы,— заявил Главный солдат.— Из них могут получиться храбрые воины. Я и сам попрыгал бы под дождем, да не могу: если мои солдаты увидят — в армии может нарушиться дисциплина.

— А мне все равно, что подумают обо мне мои подчиненные,— сказал заготовитель.— Но я не могу так резво прыгать — брюшко мешает. Эх, если бы я мог поменьше есть!..

Дождь продолжал стучать. Но постепенно стихал. Небо все больше голубело. Середкин и Муравейкина, выглянув из муравейника, увидели редющую завесу, сквозь которую проступали очертания недалеких домов лагеря.

— Наверное, Анна Константиновна уже привела ребят с речки...— предположила Муравейкина.

— Куда там! — засмеялся Середкин.— Они отсиживаются в кустах. Вспомни, как мы прошлый раз ходили купаться: пока Анна Константиновна всех собрала, чуть ли не час прошел...

— Может, и так...— согласилась Муравейкина.— Ах, —спохватилась она,— как бы нам сообщить маме и папе, что мы нашли цветок от всех болезней. Ведь они должны приехать поскорее — цветок расцветет, когда взойдет луна...

И она села прямо на пол, подперла голову кулачком.

— Не беспокойся, чего-нибудь придумаем,— попытался успокоить ее Середкин.

— Ничего не придумаешь...— вздохнула Муравейкина, и все увидели, как из глаз ее выкатились две большие слезы...

— Ой, как мне тоскливо! — воскликнула она и зарыдала.

— Что это такое — тоска? — заводновались муравьи.— Мы не знаем никакой тоски... Но, наверное, это что-то очень опасное! Надо помочь девочке во что бы то ни стало поскорей увидеть родителей!

— Надо... Надо...— зашумели все.

А Главный заготовитель сам чуть не заплакал.

— Если бы они были недалеко,— сказал Главный солдат,— можно было бы напасть на них и заставить бежать в сторону лагеря до тех пор, пока не прибегут к воротам. Ведь с нашими солдатами шутки плохи! Они кого хочешь заставят мчаться во всю прыть.

— Папа с мамой очень далеко. На берегу Черного моря...— всхлипнула Муравейкина.

Положение казалось безвыходным.

«Что делать, как помочь ей?» — думал Середкин.

И вдруг Главный географ сказал:

— Если родители не могут приехать — надо, преодолев расстояние, доставить к ним девочку.

— Правильно! — воскликнули все, кроме Середкина и Муравейкиной.

Середкин не представлял, как это муравьи смогут преодолеть расстояние в тысячи километров.

А Муравейкина даже не обратила внимания на слова Главного географа — всхлипывала и всхлипывала...

— Надо попросить разрешения у Главного муравья,— сказал ученый.— Где он?

— Думает,— сообщил Рыжик.— Закрылся в своем помещении для размышлений и запретил входить, пока сам не позовет.

— Плохо,— притопнул Главный строитель.— Его нельзя беспокоить — рассердится. Кроме того, я строил помещение размышлений и знаю, как трудно туда досту-

чаться. Быстро вызвать Главного муравья можно только сигналом тревоги. Но я не решусь на это.

— А я решусь,— заявил Главный солдат.— Будь что будет. Наша гостья плачет,— разве это не причина для тревоги? Еще какая! — воскликнул он и бодро направился в глубь муравейника.

Вскоре оттуда донеслись звуки, похожие на барабанные удары,— глухие и тревожные.

Муравейкина все так же сидела на полу. Она уже не плакала — замерла, обхватив колени руками.

Середкин, как мог, успокаивал ее. Но она его будто и не видела.

Барабанные удары смолкли...

— Кажется, идет...— прошептал Главный учитель.

Прошло несколько минут, и все слышали не только торопливые шаги, но и голоса:

— Простите, простите, пожалуйста, я прервал ваши государственные размышления,— говорил Главный солдат.— Но, понимаете, она так плачет, ей так хочется увидеть родителей...

— Надо было отвлечь девочку, придумали бы что-нибудь,— недовольно ответил Главный муравей.

Все знали: Главный муравей очень добр. Но, как всякому Главному, ему часто казалось, будто он делает то, что вполне могли сделать его подчиненные. В такие минуты он сердился.

Вот и сейчас, услышав его недовольный голос, муравьи Высшего совета опустили головы...

— Так...— сказал Главный муравей.— Значит, девочка плачет, а вы не можете даже вытереть ей слезы? Из-за этого надо обязательно отрывать меня от размышлений?

Он вопросительно посмотрел на Главного ученого, а тот вопросительно оглядел всех.

— У нее тоска,— осторожно сказал Главный солдат,— а мы не знаем, что это такое.

— Тоска?..— Главный муравей глубокомысленно пошевелил усиками.— Это очень серьезно, такое чувство бы-

вает только у людей. А с человеческими чувствами даже люди не всегда могут справиться... Ну, что ж, зато у нас есть очень сильное муравьиное чувство — во всем должен быть порядок.

Тут взгляд его задержался на Середкине, и всем стало ясно: Главный муравей принял решение.

— Они должны ехать вдвоем: девочка и мальчик. Другого выхода я не вижу,— сказал он.

...На этот раз стол в зале был свободен от угощений. Лишь, когда участники уселись вокруг стола, бесшумный муравей принес и поставил около каждого по чашечке росы.

— С чего начнем обсуждение поездки? — спросил Главный муравей.

Главный географ сказал:

— Прежде всего мы спросим у девочки, в каком географическом пункте на побережье Черного моря следует искать ее родителей.

— Вам нужен адрес? — спросила Муравейкина.

Географ кивнул.

— Они отдыхают диким способом в Судаке. Так папа говорил.

— В рыбе, что ли? — удивился Главный заготовитель.— Разве есть такая большая рыба, в которой можно отдыхать?

Главный географ снисходительно улыбнулся.

— Это не рыба,— пояснил он.— Так называется один из поселков на берегу Черного моря.

— Ага! — подхватила Муравейкина.— Они живут в этом поселке у какой-то Ступкиной на улице Приморской. А берет она с них за это по два рубля в сутки. Мама писала, что у Ступкиной, кроме них, еще двадцать человек отдыхает.

Главный заготовитель ошарашенно посмотрел на Муравейкину и заерзал на своем месте, подсчитывая рубли.

— Ого! — воскликнул он. — Эта Баба-Яга получает со всех 44 рубля в сутки. В месяц — тысячу триста двадцать рублей! Неплохо устроилась старуха. Построила что-то вроде здорovenного муравейника. То-то она больше не летает в своей ступе, нигде ее не видно. Оказывается, переселилась на берег Черного моря!..

— Ладно, — прервал Главный муравей. — Это ее дело, куда переселяться. Разыщем... У нас установлена связь с приморскими муравьями? — спросил он Главного ученого.

— Трудно сказать... — подумав, ответил Главный ученый. — Во всяком случае, наши экспедиции они не трогают. Хотя и отнеслись к ним с подозрением.

— Решили, что это разведка кочевых муравьев? Опасаются, что мы собираемся захватывать их владения?

— Да. Но после третьей встречи, кажется, поверили, что мы не принесем им вреда.

— Друзья мои! — обратился Главный муравей к гостям. — Послушайте меня внимательно...

Заботливые муравьи спешили снабдить гостей всем, что им может понадобиться в дороге.

И когда раздался чей-то удовлетворенный голос: «Ну вот, теперь можно и ехать!» — перед гостями оказалась громадная куча вещей, для которых потребовалось бы двадцать чемоданов.

— Кажется, мы перестарались... — сказал Главный муравей, оглядев кучу. — Давайте оставим гостям только самое необходимое.

Стали откладывать в сторону одну вещь за другой, из-за каждой возникали споры. Муравьи угрожающе поднимались друг на друга — каждый старался отстоять принесенное им. В конце концов, на месте кучи осталась лишь светящаяся гнилушка, без которой, по общему мнению, гости смогут заблудиться в темноте, разыскивая дом Бабы-Яги Ступкиной.

Середкин послушно сунул гнилушку в карман.

И тут стало ясно, что путешественники опаздывают — автобус, уходящий в четырнадцать двадцать две, уйдет через шесть минут.

— Срочно надо вызвать божью коровку! — раздались голоса.

— Нет. Надо срочно вызвать махаона! — возразил Главный учитель.

Началась толкатня. Несколько муравьев, обгоняя друг друга, помчались звать махаона. Просить его умолять...

А тут еще Муравейкина вдруг схватилась за голову и вспомнила:

— Надо оставить записку Анне Константиновне. Чтобы она не беспокоилась и не искала нас, когда вернется в лагерь.

...Рыжик уже прибежал сообщить, что махаон ждет, а Муравейкина еще писала огрызком карандаша на клочке бумаги:

«Не беспокойтесь, Анна Константиновна. Я и Середкин поехали на юг к моим родителям. Скоро вернемся. Муравейкина».

Перечитав записку, она оглядела провожающих и спросила:

— Может быть, махаон залетит на минутку в наш корпус? Надо положить записку на мою тумбочку. Чтобы Анна Константиновна сразу увидела.

— Некогда, некогда...— зашумели провожающие.

— Я доставлю записку,— сказал Главный заготовитель.— Собственноножно. Где стоит твоя тумбочка?

— Как вползешь в корпус,— пятая дверь налево. Моя тумбочка — направо. Стоит у самого окна. Только не перепутай! — предупредила она, отдавая записку.

— Выходим, выходим...— заторопил всех Главный муравей.— Сопровождающие гостей — вперед!

Он хотел еще успеть произнести напутственную речь с возвышения перед муравейником. Но увидел, что не успе-

ет. Поэтому, посадив гостей на спину махаона, сказал только одно слово:

— Счастливо!

И — сразу же оказался далеко-далеко. Так быстро полетел махаон...

Путешественники чуть не опоздали. Автобус уже тронулся, когда махаон впорхнул в открытое окно и, чуть не задев крылом сидящего около окна гражданина в широкополой шляпе, залетел под заднее сиденье.

— Ой, какая красивая бабочка! — воскликнула девочка рядом с гражданином в шляпе. — Поймай ее, папа!

В автобусе ехало всего человек десять.

Гражданин, сняв шляпу, встал и заглянул под сиденье.

Но махаон уже высадил путешественников в самом

дальнем и безопасном углу. Он вылетел совсем не там, где ожидал гражданин со шляпой.

Пытаясь сбить махаона на лету, гражданин беспорядочно замахал шляпой, покачнулся и чуть не упал на старичка, настолько уже ветхого, что он, даже сидя, держался за блестящий поручень.

Старичок укоризненно глянул на ловца. Тот смутился, извинился и сел на свое место.

А махаон, покружив еще немного по салону, выпорхнул в окно.

Он долго летел за автобусом, словно прощался с путешественниками. Потом увидел необычайно красивый цветок и свернул к нему.

Но этого путешественники уже не видели. Они сидели там, где он их оставил, в самом дальнем безопасном углу, и привыкали к новому способу путешествия.

— Пыльно-то как...— сказала Муравейкина и чихнула несколько раз.

— И до окна далеко,— недовольно заметил Середкин.

Особенно плохо было, когда шофер тормозил перед крутыми поворотами и выбоинами. Тогда автобус вздрагивал, трясся, скрипел и вздыхал, как живой. А пыль догоняла его и вползала в окна, щели, долго клубилась внутри.

Муравейкина закрывала лицо носовым платочком и все чихала, чихала...

— Нет, не могу! — взмолилась она, когда на очередной остановке в автобус ворвалась такая пыль, что путешественники потеряли в ней друг друга.— Давайте вылезем отсюда. Иначе задохнемся!

Забыв, как она мала, Муравейкина встала на четвереньки, чтобы не стукнуться о сиденье, и двинулась к проходу.

Но Рыжик решительно загородил ей дорогу.

— Нельзя,— твердил он.— Ведь ты не бабочка махаон, не сумеешь увернуться, если тобой заинтересуются люди и станут ловить. А могут не заметить и наступить. Не пущу!

— Но я же не могу так ехать! — капризно сложила губы Муравейкина. — Что за путешествие — никаких удобств!

— Зато едем без билетов, — весело заметил Середкин. — Контролер не поймает. Потерпи немного. Рыжик прав: вдруг кто-нибудь захочет поймать тебя для коллекции...

Муравейкина покорила. Но всю дорогу сидела в самом дальнем углу с мученическим выражением на лице и беспрестанно чихала.

— Приготовьтесь, сейчас будем выходить на пересадку, — предупредил один из сопровождающих муравьев и пополз к задней двери.

Компания путешественников переместилась вслед за ним почти к самой ступеньке.

— Ой, как же я выйду? — воскликнула Муравейкина, прижимая к себе кулечек с заповедным цветком и заглядывая вниз. — Здесь так высоко... Я не прыгну даже на ступеньку. А с нее на асфальт и подавно.

— Спокойно, — сказал Рыжик. — У нас все предусмотрено.

Тотчас же он и еще один муравей крепко схватили ее с двух сторон.

А два других муравья не менее крепко схватили Середкина.

Дальнейшее произошло так быстро, что Муравейкина успела только три раза сказать:

— Ой!.. Ой!.. Ой!..

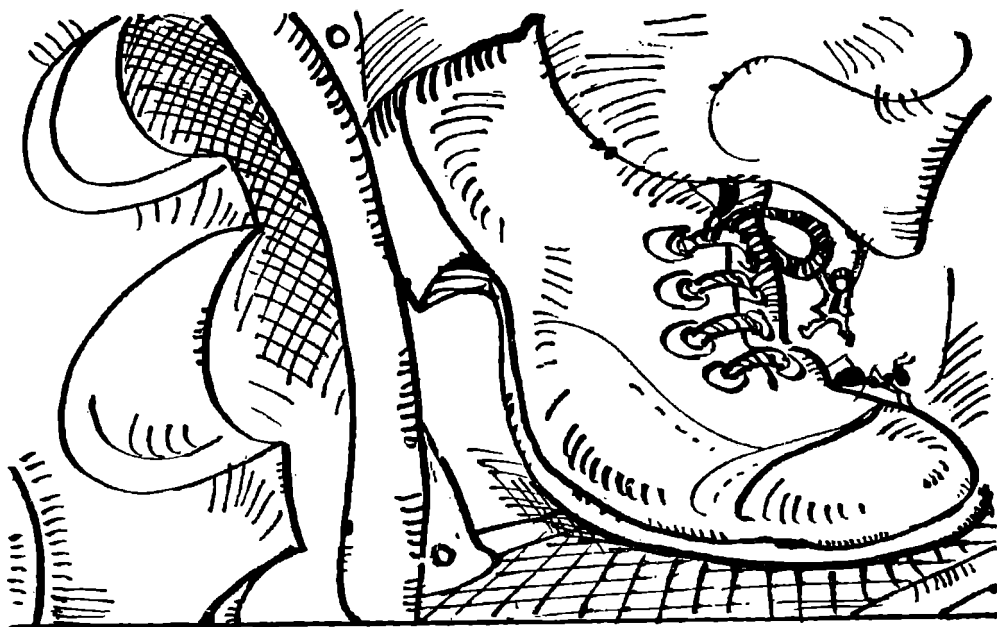
Первый раз она ойкнула, когда автобус остановился и муравьи, вместе с нею, уцепились за чей-то ботинок.

Второй раз ойкнула, когда ботинок перенес их на ступеньку.

И третий раз — когда муравьи отцепились и она вместе с ними оказалась уже на тротуаре.

Таким же образом «сошел» и Середкин.

Не теряя времени, муравьи оттащили гостей к стволу большой лиственницы.

— Здесь спокойно подождем экспресса,— сказал тот, который говорил в автобусе «приготовьтесь». И спросил, обращаясь к Муравейкиной: — Вас не слишком утомляет такой способ передвижения?

— Еще как утомляет! — недовольно воскликнула Муравейкина, отряхиваясь от пыли. — С ума можно сойти!

— А вы как себя чувствуете? — спросил муравей у Середкина.

— Все в порядке,— бодро ответил Середкин. — Даже интересно.

— Вот именно,— согласился муравей. — Мне тоже было очень интересно, когда я прошел в этом направлении с нашей первой экспедицией. А теперь,— он повернулся к Муравейкиной,— давайте познакомимся. При посадке и там, в пыли, мы не успели представиться друг другу.

— Меня зовут Олей,— сказала Муравейкина, и Середкин заметил, что она почему-то смутилась.

— Очень приятно, очень приятно...— два раза повторил муравей.— А меня зовут Кандидатом.

— Как? — переспросил Середкин.— Кандидатом? Разве есть такое имя?

— Вообще-то, конечно, нет,— признался муравей.— Так меня зовут с тех пор, как я стал подавать надежды... Главный ученый очень надеется на мои научные способности.

— В нашей школе тоже был один кандидат на городские соревнования по шахматам,— сказал Середкин.— Подавал надежды. А на соревнованиях не подал ничего. Завуч сказал, что там он «вылетел в трубу».

— Следом за Бабой-Ягой? — спросил Рыжик.— На берег Черного моря?

— Вылететь в трубу — значит проиграть,— пояснил Середкин.— А сам он никуда не вылетел, остался в школе. Только теперь так плохо играет в шахматы, что не подает уже никаких надежд.

«Вот тебе! — подумал он, искоса поглядывая на Кандидата.— Тоже мне, расхвастался перед Муравейкиной...».

Середкину было неприятно видеть, как тот все время старается быть поближе к ней.. Вспомнилось, что и в автобусе Кандидат всю глазел на Муравейкину. Да и она, кажется, не без любопытства поглядывала на него...

Ему неожиданно захотелось уйти подальше. Пусть она дружит с этим Кандидатом до самого Черного моря и потом.

«Возьму и отстану от них,— подумал Середкин.— Конечно, что я для Муравейкиной,— ведь на мои способности никто не надеется».

Он потихоньку отошел от путешественников, спрятался за стволом лиственницы.

Ему не видно было, что делается там, где Муравейкина. Но он слышал, как она спросила:

— А после экспресса мы на чем поедем?

— На самолете, разумеется. Только не поедем — по-

летим. О, там будет очень удобно — никакой пыли и всюду ковровые дорожки. Вы любите летать на самолетах? — Голос Кандидата стал таким бархатным, что его, казалось, можно было даже потрогать.

Середкин не слышал ответа Муравейкиной. Вернее всего, она отрицательно покачала головой, — Кандидат принялся рассказывать, сколько раз он летал на самых лучших лайнерах и как там удобно.

Стоя за деревом, Середкин чуть не заплакал от обиды. Судя по всему, Муравейкина даже не заметила, как исчез ее друг, забыла о неприятностях путешествия и хихикала так, что легко можно было догадаться: ей нравится общество Кандидата.

Стараясь не слушать больше, о чем они разговаривают, Середкин заметил трещину в коре, втиснулся туда и стал смотреть на улицу и пешеходов.

Он выглядывал из трещины, словно из небольшой пещеры.

И тут раздались голоса:

— Экспресс... Идет экспресс...

— Где Середкин? — донесся голос Муравейкиной. — Я никуда не поеду без него!

«Ага, спохватилась, — удовлетворенно подумал Середкин. — Попробуй теперь найти. Будешь знать, как менять меня на Кандидата».

Конечно, Середкину вовсе не хотелось отстать и сидеть в трещине, будто насекомое. Хотелось, чтобы его искали... Чтобы Муравейкина совсем испугалась, потеряв друга.

Сейчас она бросится искать меня, — решил Середкин. Но — ошибся.

В трещину заглянул Рыжик и спокойно сказал:

— Подходит экспресс. Пора ехать.

Середкин так поражен был его неожиданным появлением, что только широко открыл рот, согласно кивнул и вылез из своего убежища.

— Здесь было очень удобно, — сказал он, оправдыва-

ясь.— Так удобно, что я задержался и ничего не слышал. Вы меня звали?

— Да,— коротко ответил Рыжик.

Середкину стало ясно: муравей-разведчик ни на секунду не терял его из вида. А уловив участливый взгляд Рыжика, Середкин понял и еще одно: Рыжик знает, почему Середкин захотел остаться в одиночестве, не одобряет поведение Кандидата и хихиканье Муравейкиной.

«Рыжик настоящий друг, не то что эта...» — подумал он и отшатнулся. «Эта», увидев Середкина, бросилась к нему так стремительно, словно не видела целый год.

— Экспресс уже пришел, а тебя все нет и нет! — возбужденно затараторила она.— Я чуть с ума не сошла, ду-мала, с тобой несчастье! Нельзя так меня пугать. Садимся скорей, а то экспресс уйдет!

Все это она выпалила в одно мгновение и, крепко схватив Середкина за руку, ни за что не захотела расстаться с ним даже на время посадки.

...Путешественники успели попасть в экспресс лишь потому, что водитель пошел выпить газированной воды. А одна из женщин, прежде, чем войти, поставила на асфальт большую сумку и долго рылась в карманах — искала билет.

В эту сумку они и ввалились всей компанией — мальчик и девочка в середине, а остальные по краям.

В сумке, кроме бутылки лимонада, яблок, печенья и шерстяной вязаной кофты, оказалась аккуратно сложенная вышитая салфетка. На ней путешественники и выбрали себе место.

— Салфетку она везет кому-нибудь в подарок и не станет вынимать, пока не приедет,— сказал Рыжик.— Можно не беспокоиться. И вообще нам повезло. С женщинами лучше иметь дело. Они, если увидят муравья в своей сумке, не хватают его, а либо взвизгивают,— и тогда можно убежать, либо, в худшем случае, вытряхивают. А муж-

чины могут схватить и так сжать, что глаза вылезут...

Путешественникам повезло еще больше, чем предполагал Рыжик.

Женщина оказалась очень разговорчивой. Едва она села в свободное кресло — сразу же стала выяснять у соседей, нет ли среди них попутчиков до Симферополя, не задерживается ли самолет и как от Симферополя доехать до Судака.

— Удача сопутствует нам благодаря вашему присутствию, — собрался было блеснуть красноречием перед Муравейкиной Кандидат.

Но Рыжик бесцеремонно сказал ему:

— Помолчите. Не выпендривайтесь. Неужели нельзя выразиться проще: женщина едет тоже в Судак. Значит, мы можем не вылезать из ее сумки до конца пути.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О доме на берегу и немного о Бабе-Яге

Если бы путешественники могли дать телеграмму по адресу: «Новосибирская область, Зеленая республика, Муравейник», телеграмма выглядела бы так:

«Долетели благополучно».

К этому можно добавить: не только долетели, а и доехали.

В машине, куда попутчица села с компанией путешественников после самолета, выяснилось: ей нужен дом на той же улице Приморской, рядом с домом Ступкиной.

Поэтому, когда «Жигули» остановились напротив зеленого заборчика, за которым виднелся дом с голубыми окошками, все произошло очень просто.

Женщина вышла из машины, поставила сумку на придорожную траву.

Пока она расплачивалась с водителем, компания путешественников выгрузилась и двинулась к соседнему дому.

Он был раза в два больше. И кроме него, за оградой оказалось еще несколько маленьких избушек — не избушек, а так, чего-то сказочно-временного, сколоченного из досок и фанеры. С маленькими окошечками и дверьми.

Рыжик внимательно посмотрел на эти сооружения и остановился в недоумении.

— Странно...— сказал он, озираясь.— Ни у одной из них нет курьих ножек. В какой же избушке живет Баба-Яга Ступкина?

— Не знаю,— беспечно отозвалась Муравейкина, тоже удивленная тем, что в ограде оказался не один дом, а целый поселок.— Наверное, ее вообще здесь нет.

— Вполне возможно,— немедленно заметил Кандидат.— Не исключено, что она руководит этим комплексом построек издали и присутствует, так сказать, незримо.

— Ну и пусть,— сказал Середкин.— Зримо или незримо присутствует Баба-Яга, нам все равно. Мы ведь не к ней приехали, а к родителям Муравейкиной. Их и надо искать.

Только Середкин сказал это, как на крыльцо большого дома вышла женщина с ковром в руках.

Она окинула хозяйским взглядом двор — чисто ли?

Посмотрела на домики: не ободрал ли кто со стен краску, целы ли стекла.

Потом взгляд ее прошелся по деревьям сада. Словно сосчитал: на месте ли созревающие сливы, яблоки, персики.

Убедившись, что ничего не пропало, женщина повесила ковер на перила крыльца и застучала по нему палкой, выколачивая пыль.

— Наверное, дочка Бабы-Яги,— предположил Рыжик.— Ишь, как все оглядела... А может, внучка?

— Далась тебе эта Яга и ее дети! — воскликнул Середкин.— И без них обойдемся!

— Нет...— шепотом, чтобы слышал только Середкин, возразил Рыжик.— Без них не обойтись... Хорошо еще, если они не успели съесть родителей Муравейкиной.

— Ерунда,— сказал Середкин.— Никакой Бабы-Яги

на самом деле нет. Разве ты не понимаешь, что всякие разговоры о ней — одни сказки?

— Сказки? — многозначительно переспросил Рыжик. — А ты оглянись, — указал он в сторону моря. — Видишь, какая там сказка!

С той стороны, где за оградой шевелилось и бухало море, быстро приближалась странной формы хмарь. Она почти неслась по голубому небу, держа направление прямо над дом Ступкиной, и, стоило только приглядеться, напоминала очертаниями бочку, из которой высывалась взлохмаченная голова.

Вокруг все было еще тихо-мирно. Но там, где появилось это нечто, похожее на бочку, по небу пробегали зловещие отблески то сизого, то морковного цвета.

Вдруг сильный порыв ветра ударил по деревьям.

Звякнули открытые окна, взвились занавески.

Сохнувшее белье сорвалось с протянутой через двор веревки и полетело, покатилося по земле.

Казалось, кто-то, расвирипев, одним махом сдернул купальники и рубахи, бросил в пыль и погнал прочь невидимой метлой.

Рубахи вздымали пустые рукава, молили сжаться над ними, но их гнало все дальше и дальше.

Захлопали двери домиков. Люди выскочили, погнались за бельем.

В это время сгусток хмари над самым двором осветился изнутри. В нем что-то бахнуло, словно взорвалось. Засвистел такой пронзительный ветер, что путешественников сначала отбросило в траву, а потом приподняло, закружило и — хорошо, что они успели схватиться друг за друга! — забросило в беседку, обвитую виноградом.

После взрыва во дворе стало темно, как в подвале.

Потом еще раз бухнуло. И сразу же по небу заматались всполохи. В их свете не только Середкин, но и все остальные увидели: на крыльце возникли две женщины и слились в одну. И эта одна не походила на ту, которая выносила ковер. Волосы ее развевались по ветру и в свете

вспышек казались обсыпанными серым пеплом. Глаза блестели. То ли от ярости, то ли от радости.

— Наконец-то! — сказала она глухим голосом, протягивая вперед руки. Будто желая обнять и сад, и домики, и клубящуюся во дворе хмарь.

— Видишь, Баба-Яга прилетела, — сказал Рыжик. — Радуетса возвращению в родной дом.

— Вижу, — ответил Середкин и пригнулся: хлынул такой густой ливень, какого ему еще не приходилось встречать на своем веку.

А когда ливень чуть стих и Середкин глянул на крыльцо, на нем было пусто. Даже ковра на перилах не увидел Середкин.

Светлело так же быстро, как темнело. Через десять минут ливень кончился.

На небе засияло солнце, а в саду запели птицы.

Стали открываться окна, а за ними и двери домиков.

Люди весело переговаривались. Некоторые предлагали немедленно бежать к морю, посмотреть, не выбросили ли волны на берег красивые камешки и раковины. Кто-то предупредил, что ливень еще вернется...

Во дворе стало шумно и весело.

И только из большого дома никто не выходил. Словно там легли спать и закрыли дверь на крючок.

Муравейкина растерялась. Казалось, все, за исключением хозяйки или хозяек, вышли во двор. Но среди всех не было ее родителей.

— Не ошиблись ли мы домом? — спросила она.

— Нет, — сказал Середкин. — Когда подходили к ограде, я видел на калитке почтовый ящик. На нем написано: «Ступкина».

— Отсутствие ваших родителей в данный момент может объясняться различными причинами, — голосом, полным учености, заметил Кандидат и приостановился, глянул на Рыжика: не перебьет ли?

Рыжик сделал вид, что не обращает на него ни малейшего внимания.

А Середкин подумал:

«Пусть говорит. Все-таки подает надежды. Может, на этот раз и скажет что-то полезное».

Почувствовав благоприятную обстановку, Кандидат вдохновился.

— Поскольку мы убедились в точности адреса, — не торопясь, продолжал он свою речь, словно собирался прочесть длинную лекцию, — у нас нет причин беспокоиться и предполагать, будто мы, в конце концов, не приблизимся к интересующему нас объекту. В данном случае объектом являются родители нашей прекрасной спутницы.

Сделав небольшую паузу, Кандидат не упустил случая поклониться Муравейкиной и словно бы поправил несуществующие очки в позолоченной оправе.

— Итак... — Он многозначительно пошевелил усами. — Попробуем разобраться в сложившейся ситуации. Возможность отсутствия объекта и варианты возможно-

стей исследования этого вопроса — безграничны. Сам процесс исследования дает нам возможность различными путями подойти к оценке такого явления, как отсутствие присутствия...

Он говорил долго. Даже приподнимался и бросал взгляды на плывущие по небу облака. Словно там, на одном из них, надеялся увидеть родителей Муравейкиной.

Середкин не выдержал первым.

— Ну, а где же все-таки они? — спросил он Кандидата, желая получить вразумительный ответ.

— Не знаю, — растерянно сказал Кандидат и умолк.

А Рыжик посмотрел на Середкина взглядом, который говорил яснее ясного:

«И гадать нечего. Съела их Баба-Яга».

— Нет, — ответил Середкин, и никто, кроме Рыжика, не понял, кому предназначается это «нет», — надо их везде поискать. Может, родители гуляют по саду, и мы не видим их за деревьями.

— Гуляют?.. — рассмеялся Кандидат. — Кто бы стал гулять в такой ливень!

— Конечно, не тот, у кого — «отсутствие присутствия», — язвительно заметил Середкин и сказал: — Пошли!

Путешественники углубились в сад.

Там, действительно, никого не было. Только птицы перепрыгивали с ветки на ветку и шуршали падающие после ливня капли.

— Поищем за большим домом, — сказал Середкин и первым решительно шагнул в заросли крапивы, прокладывая путь остальным.

«Найдем, все равно найдем...» — упорно думал он, уворачиваясь от обжигающих стеблей и листьев.

Вспотев, изжаленный, преодолел Середкин последние метры крапивной чащи и увидел домик.

— Ура! Есть! — крикнул он.

Пока остальные выходили из крапивы, Середкин рассматривал домик.

Сбитый из неструганых досок, он был еще меньше тех, которые удивили путешественников в самом начале. Можно было подумать, будто это сарайчик для всякой рухляди. Но занавески, белеющие за стеклом подслеповатого окошка, намекали на то, что домик обитаем.

Дверь оказалась закрытой не совсем плотно.

Муравейкина заглянула в щель и увидела своих родителей.

— Нашлись! — воскликнула она, пытаясь протиснуться в маленькую комнатку с двумя кроватями и столом между ними.

Но щель оказалась узкой даже для девочки муравьиной величины.

С досады она заколотила в дверь кулаками и закричала:

— Откройте!

Ее крик не услышали в домике.

Муравейкина вновь заглянула в щель: в комнатке свободным был только проход не более шага шириной.

Над столиком — окошко с занавесками. Больше и оглядывать ничего не пришлось в этом закутке вроде вагонного купе.

На одной кровати сидел отец и хмуро читал книжку.

На другой — мать. Она вязала и, казалось, совсем была поглощена этим занятием.

Муравейкина поняла: что-то произошло.

Дочь хорошо знала своих родителей и сразу заметила: слишком напряженно занимались они каждый своим делом. Но какими они показались ей огромными, неуклюжими! Словно великан и великанша из сказочного фильма...

Она глянула на свои руки и ноги. Неужели она их дочь? У папы руки и ноги как бревна, — голова словно холм, заросший густой травой.

У мамы — ногти похожи на громадные перламутровые раковины...

— Что там? — спросил Середкин.

— Они поссорились,— сказала Муравейкина.— Сидят и делают вид, будто ничего не случилось. Уж я-то знаю!

— Можно мне взглянуть? — спросил Кандидат.

— Пожалуйста,— Муравейкина отступила от двери и стала задумчиво скрести пальчиком неструганую доску стены.

— Вполне приличные родители,— заметил Кандидат, удовлетворив любопытство.— Отец интеллигентный человек. Судя, по всему, очень любит читать. Мать тоже достаточно интеллигентна. Это видно по ее лицу. И — плюс к этому — вязать умеет. Не вижу никаких признаков ссоры.

Остальные тоже заглянули в щель.

Товарищи Кандидата — два молчаливых муравья, не избалованные, очевидно, излишним вниманием, согласились с ним.

А Середкин, заглянув, лишь недоуменно пожал плечами: кто их знает, поссорились или нет.

Рыжик дольше всех рассматривал родителей Муравейкиной. По его предположениям, их давно должна была съесть Баба-Яга. Увидев, что они живы и здоровы,— удивился. Но удивления своего не показал. И отошел от двери в большей задумчивости, чем Муравейкина. Волновало его не то обстоятельство — поссорились они или нет, а совсем другое: скоро ли Баба-Яга съест их?

В конце концов он решил: родители Муравейкиной избежали неминуемой смерти только потому, что Баба-Яга отсутствовала. Теперь же, когда она прилетела, бедным родителям придется плохо, если их не спасти.

«Муравейкина ошиблась,— подумал он.— Родители не поссорились, а предчувствуют свою гибель».

И у него возник план — помешать Бабе-Яге совершить очередное черное дело.

«Только надо предусмотреть все до мелочей»,— предупредил он сам себя, отползая в сторонку, от компании, чтобы подумать в одиночестве.

План был прост, как все гениальное. Это и смущало Рыжика. Он не считал себя способным на гениальные ре-

шения. Поэтому после первого момента, когда план, подобно молнии, сверкнул в его голове, сомнения с удвоенной силой овладели муравьем.

Чтобы окончательно рассеять их, он заполз в самое темное место — под камень. И просидел там довольно долго, раздумывая над каждой частью плана.

— Так...— сказал он сам себе, закончив обдумывание.— Кажется, нет никакой ошибки. Только сообщать о том, что я задумал, никому не следует до поры до времени.

Довольный собой, он вылез из укрытия и поманил Кандидата.

— Вы хотите что-то сказать? — спросил тот, подползая к Рыжику.— А мы вот никак не можем решить, каким образом помочь девочке войти в дом. Ее родители сидят там. А девочка стоит у двери и собирается заплакать.

— Сейчас я ей помогу,— ответил Рыжик.— Войти — пустяки. Тут дело посложнее.

— Не вижу никакого другого дела,— возразил Кандидат, оглядываясь, будто дело, о котором сказал Рыжик, должно было лежать поблизости.

— Сейчас увидите,— заверил Рыжик.— Дело заключается в том, что я хочу попросить вас срочно встретиться со всеми племенами местных муравьев.

— Со всеми? — у Кандидата от удивления чуть не потемнело в глазах.— Их здесь может быть больше тысячи видов различных племен!

— Ну, не со всеми,— поправился Рыжик.— Это я сказал для того, чтобы вы поняли: мне требуется очень много муравьев.

— Вы хотите с их помощью открыть дверь в домик?

Рыжик в свою очередь с неменьшим удивлением посмотрел на Кандидата и подумал:

«Я предполагал, что у него не все в порядке со здравым смыслом. Но не до такой же степени! Даже безграмотный муравей сообразит, насколько бесполезной была бы такая затея».

А Кандидату сказал:

— Вы угадали.

— Вряд ли этот метод окажется результативным...— с некоторым сомнением покачал головой Кандидат.— Хотя... Как вы думаете, сколько весит дверь?

— Сорок килограммов,— ответил Рыжик, назвав первую приблизительную цифру. Он хотел скорее закончить разговор.

— Предположим...— пошевелил усами Кандидат.— Попробуем подсчитать. Значит, так: каждый муравей может поднять груз раз в шесть-семь больше собственного веса. Получается...— Он посмотрел на небо, словно оно помогало подсчету, и сообщил: — Чтобы открыть дверь, вам потребуется пригласить около миллиона муравьев. Это намного меньше, чем вы запросили в самом начале. Но и такое количество я не могу вам гарантировать. Наши контакты с местными муравьями весьма ограничены.

— Хватит и полмиллиона,— сказал Рыжик.— Только скорее. Забирайте своих помощников и действуйте. Я жду результатов через час у этого камня.

— А девочка? — спросил Кандидат.— Она умрет от нетерпения за это время.

— Не умрет,— пообещал Рыжик.— Я расскажу ей несколько сказок... Но если вы не уговорите местных муравьев к назначенному сроку — тогда девочку придется отправить в больницу.

— Иду... Спешу...— заторопился Кандидат и, поманив за собой двух молчаливых муравьев, исчез вместе с ними в зарослях крапивы.

Рыжик направился к Муравейкиной.

Он был доволен собой. План, кажется, удавался с самого начала. И Рыжик подумал:

«Подожди, Баба-Яга, ты у меня еще вылетишь в трубу!»

Конечно, никаких сказок Рыжик не стал рассказывать. Во-первых, времени оставалось мало: ночью надо было возвращаться. А во-вторых, разведчик был уверен: нет

такого дома, в который не смогли бы проникнуть муравьи. Надо только поискать.

Сказав девочке несколько успокаивающих слов, он двинулся вокруг стен, обследуя нижний ряд досок, и уже через несколько минут нашел то, что искал.

Для большей верности Рыжик прошел до конца по извилистому, но вполне приличному ходу высотой в два муравьиных роста.

«Какой я молодец! — думал он, возвращаясь за Муравейкиной и Середкиным. — Что бы они делали без меня!»

Рыжик, вообще-то, не любил хвастаться даже своими подвигами, хотя их у него было немало. Но южный климат подействовал на него расслабляюще: так и хотелось, чтобы друзья узнали о его геройских поступках. И все же у Рыжика хватило выдержки и скромности промолчать.

С видом, будто ничего особенного не произошло, он пригласил друзей последовать за ним.

...Они вошли в комнату в тот момент, когда родителям уже надоело молчать и папа Муравейкин, отложив книгу, сказал:

— Между прочим, сегодня хороший вечер. Не погулять ли нам после ливня?

Мама Муравейкина, в ответ на это, только быстрее зашевелила спицами.

— Но ведь ты сама настаивала на том, что Оле гораздо лучше будет в лагере, — сказал папа Муравейкин.

Он зря вспомнил, из-за чего они поссорились. Оля сразу поняла это.

Мама нервно дернула плечом и вовсе отвернулась от папы.

«Значит, папа был за то, чтобы взять меня на берег Черного моря», — подумала Оля, и ей захотелось выглянуть из-под стола, куда они попали, выйдя из темного хода, и сказать:

— Не надо ссориться, я здесь.

Но, как разумная девочка, она сразу подумала о последствиях.

Прежде всего ни мама, ни папа не слышали бы ее голоса.

А когда Оля вскарабкалась бы на стол или на колени отцу,— тот, по своей близорукости, просто-напросто стряхнул бы ее, как не раз стряхивал разных букашек со своего костюма.

— Посмотри,— обратился бы он к маме.— Сколько их развелось на юге,— просто житья нет.

Оля хорошо знала привычки отца. Раньше ей даже нравилось гоняться вместе с ним за комаром, который, надоедливо зудя, не давал заснуть.

Но то было раньше. А теперь отец мог выгнать собственную дочь...

Впервые, за все время с того момента, как уменьшилась, Оля пожалела об этом и воскликнула:

— Хочу стать большой!

Она крикнула так громко и пронзительно, что Середкин невольно заткнул уши.

— Кто-то пищит...— сказал папа и посмотрел не под стол, откуда раздалось восклицание, а на потолок.— Наверное, к нам залетел комар!

— Сам ты комар! — обиделась Оля.— Не можешь узнать голос родной дочери!

— Вот... Опять пищит...— недоуменно развел руками отец.— Почему же я нигде не вижу комара? Неужели это мне только кажется?

Надев очки, он внимательно стал осматривать стены.

Потом шагнул к окошку, и его тапка остановилась в каком-нибудь миллиметре от Оли.

Не ожидая дальнейшего, Рыжик цепко схватил ее сзади и, несмотря на отчаянные протесты, уволок подальше под стол.

— Пусти!..— вырывалась она.— Ведь это мой отец, а не твой. Пусти!..

Но Рыжик и не подумал послушаться.

— Ты что? — поддержал его Середкин. — В своем уме? Если отец с матерью тебя увидят, рассмотрят и поймут, что ты — их дочь, они сразу упадут в обморок. Представь, что бы случилось с тобой, если бы ты увидела родителей такими крохотными?

— Вы правы, — согласилась Оля. — В таком виде я не могу показаться им.

В это время мать сбросила кофту, и Рыжик увидел: кожа на ее плечах и спине не только покраснела, но и висит лохмотьями.

«Вот как издевается над ними Баба-Яга, — подумал он. — Уже начала обдирать... Ну, я ей покажу!»

— Вы оставайтесь здесь, — сказал он Оле и Середкину, — а мне надо отлучиться по срочному делу.

Дальнейшие события в домике выглядели так.

— Что-то Оля редко пишет нам письма, — сказала мать. — Забыла совсем.

— Некогда ей, — ответил отец. — Игры разные, походы... Не волнуйся, скоро напишет.

— Знаешь что? — спросила мать. — Давай уедем отсюда пораньше. Хотя бы встретим Олю при возвращении из лагеря. Сейчас напишем ей письмо, а потом пойдем гулять. Вечер хороший... Уже луна показалась... Согласен?

— Я голосую за это двумя руками, — сказал отец и, улыбаясь, поднял руки, словно собрался сдаваться в плен.

— Слышишь, — толкнул Муравейкину Середкин, — уже луна выходит, открывай скорее заповедный цветочек!

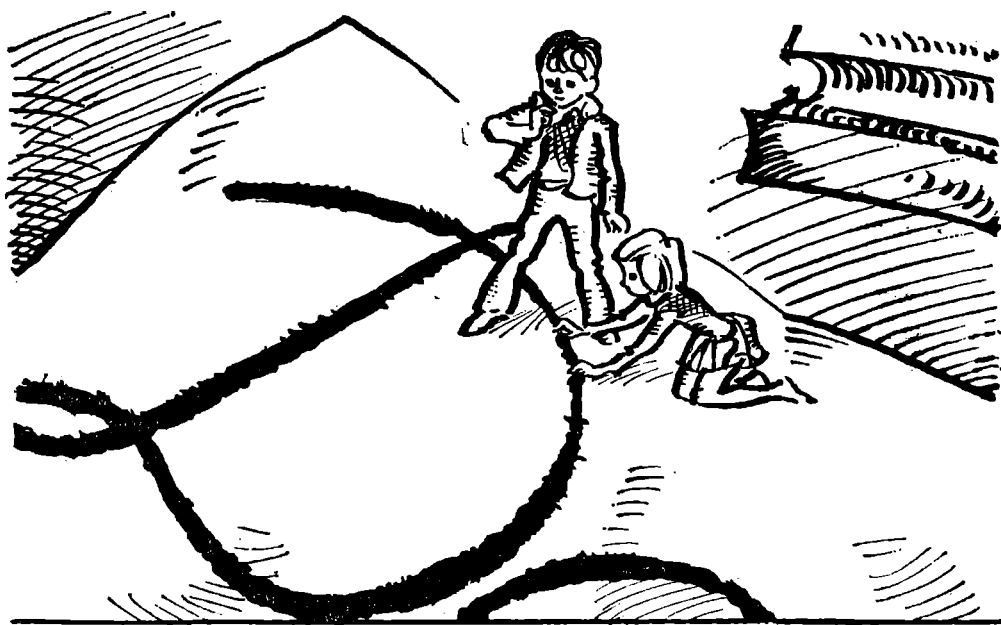
Бронзовик упаковал его крепко. Пришлось повозиться, прежде чем удалось развязать паутину.

Муравейкина осторожно приоткрыла бересту.

— Ах, — услышала она голос матери. — Мне стало совсем легко дышать. И сердце стучит ровно, спокойно. Если бы так было всегда...

Луна уже всю светила в окошко, когда отец и мать закончили писать письмо.

— Завтра запечатаем в конверт и пошлем, — сказал отец. — А сейчас гулять, гулять...

Когда родители ушли, Муравейкина вылезла из-под стола, вскарабкалась на кровать, а с нее — на стол.

— Иди сюда! — позвала она Середкина. — Почитаем письмо, прежде чем оно придет ко мне по почте.

Середкин вскарабкался к Оле. Но с близкого расстояния письмо невозможно было прочитать — огромные буквы казались непонятными рисунками.

Тогда Середкин и Муравейкина полезли выше — по шершавой стене под самый потолок. И оттуда прочитали то, что было написано на освещенном луной листе бумаги:

«Дорогая наша Оленька, — читала вслух Муравейкина, — мы очень скучаем без тебя. Почему ты редко нам пишешь? Пиши почаще. О том, в какие игры вы играете, в какие походы ходите. Наверное, поете песни, читаете стихи около костра? С кем ты особенно подружилась? Не болеешь ли? Хорошо ли кормят в лагере? Если пойдете на речку, не сиди долго в воде, не уплывай далеко от берега.

Слушайся воспитательницу и вожатую. Ты послушная девочка, такой и оставайся. Мы с папой решили пораньше уехать с юга и встретить тебя. Потом поедem в деревню — будем ходить в лес за грибами и ягодами. Папа собрал тебе на берегу Черного моря очень красивые камешки и раковины. Не скучай, дорогая наша девочка. Отдыхай хорошо, набирайся сил к новому учебному году. Мы с папой проводим время прекрасно. Домик наш стоит в саду, а море совсем рядом.

Целуем тебя. Мама. Папа».

— И почему это взрослые никогда не говорят всей правды,— сказал Середкин, дочитав письмо.— Видели мы, какой тут домик стоит в саду и как прекрасно твои родители отдыхают.

— Они не хотели расстраивать меня,— ответила Оля.— Теперь я увидела: им живется гораздо труднее, чем мне. А ты советовал не писать письма!..— Она с укором посмотрела на Середкина.

— Это я так...— смутился Середкин.

— Так или не так,— задумчиво сказала Оля,— но, как только мы вернемся в лагерь, я сразу напишу им письмо. А сейчас... где он, мой карандашный огрызок?..

Они спустились на стол, Муравейкина порылась в кармане, достала искусанный карандашик и ниже подписей «Мама», «Папа» написала огромными буквами:

«Я была у вас в гостях. А вы и не знали! Скорее приезжайте, я тоже очень скучаю без вас. Оля».

А для того, чтобы родители не сомневались, она ли написала это,— Оля нарисовала себя.

— Теперь-то они обязательно узнают, кто писал,— пояснила она Середкину.— Представляешь, начнут запечатывать письмо в конверт — и...

— Представляю,— сказал Середкин.— Где же Рыжик?..

...Рыжик был страшно возмущен, до чего довела Баба-Яга мать Оли Муравейкиной.

Если бы и двести муравьев стали убеждать его, что Баба-Яга здесь ни при чем, мать Оли сама виновата — не надо было так много загорать! — Рыжик только презрительно усмехнулся бы.

Быстро пробежав по извилистому ходу, он подполз к большому камню, где должен был встретиться с Кандидатом и местными муравьями.

Около камня никого не было.

«Неужели не договорится?» — подумал Рыжик, беспокоясь.

Сначала он вглядывался в заросли крапивы. Потом стал нетерпеливо бегать вокруг камня.

А когда у него от бега совсем закружилась голова, вполз на самую вершину камня и замер там, ругая про себя Кандидата на все лады.

Когда он готов был уже поклясться, что обругает Кандидата самыми последними словами, пусть только появится,— Кандидат появился.

— Вы ждете меня? — вежливо спросил он и не спеша принялся подниматься на вершину.

— Жду,— сдерживая негодование, пробурчал Рыжик.— Где вас так долго мотало?

— С местными муравьями оказалось весьма сложно договориться,— сообщил Кандидат.— Они хотели знать, зачем их зовут, а я ничего толком объяснить не мог.

— Где они? — спросил Рыжик.

Кандидат вполз на вершину, передохнул и указал на заросли крапивы:

— Там.

Рыжик, досадуя, глянул в ту сторону:

«Ох, эти приморские муравьи! — подумал он.— Осторожничают, где им ничего не грозит... Надо во что бы то ни стало выманить местное муравейство оттуда. Они должны видеть его и хорошо слышать. Разве может произвести впечатление речь, произнесенная в зарослях! Нет, он должен обратиться к ним с вершины камня. Тогда Рыжик заставит их слушать и действовать!».

— Отправляйтесь обратно,— приказал он Кандидату.— Пусть пришлют для начала разведчиков — убедятся в безопасности. А где ваши молчаливые товарищи?

— Они остались заложниками.

— Слушайте меня внимательно,— сказал Рыжик.— Когда я произнесу речь и увлеку муравьев за собой,— вы и ваши товарищи должны немедленно забрать девочку и мальчика и спешить с ними к автобусной остановке. Я вас догоню. За углом дома есть ход в комнату. Понятно?

— А почему вы мне приказываете? — возмутился Кандидат.— Я устал. Идите в крапиву сами.

— Я вот сейчас как укушу тебя! — сказал Рыжик и двинулся на Кандидата, забыв о всякой вежливости.— «Идите сами...» — передразнил он.— Ладно, скажу тебе по секрету: я организую здесь военные действия.

— Ой, ой, ой...— забеспокоился Кандидат, и его словно ветром сдуло с камня — так быстро побежал он выполнять приказ.

Местные муравьи сразу приняли предложение Рыжика. Не прошло и пяти минут, как быстрые разведчики зашныряли, обследуя окрестности камня. Один из них забрался на камень и заглянул в каждую трещинку.

— Никого нет,— успокоил его Рыжик.

— Вижу,— ответил разведчик, осмотрев внимательно и муравья-пришельца. Потом сбежал вниз и скрылся в зарослях.

Вскоре оттуда показались бесконечные колонны муравьев.

— Ого! — обрадовался Рыжик.— Теперь остается только увлечь их за собой. Ну, берегись, Баба-Яга!

Он дождался, когда муравьи столпились вокруг камня и затихли.

Тогда Рыжик привстал в свете луны на вершине и произнес такую речь:

— Дорогие друзья! Вы уже кое-что знаете о нас по нашим экспедициям. Мы никогда не обманывали ни одного приморского муравья, так?

— Так...— ответило ему многочисленное эхо.

— Мое обращение к вам будет кратким,— продолжал Рыжик, когда эхо утихло.— Сегодня я был в саду и заметил: многие из ваших жилищ разрушены. Скажите, кто мешает вам спокойно жить, и я научу вас, что делать.

— Ступкина...— донеслось из толпы муравьев.— Это она...

— Я так и думал,— кивнул Рыжик.— А почему она это делает?

Из толпы выполз немолодой муравей.

— Она давно изводит нас,— сказал он жалобно.— Ходит с чайником, ворошит муравейники и льет кипяток с отравой — боится, что мы испортим сладкие плоды. Мы

уже переселились в крапивные заросли. Но она и там не дает нам покоя.

Он замолчал и попятился в толпу.

— Так вот,— решительно сказал Рыжик.— Сегодня я видел, как возвращалась бабка Ступкина. Наверное, летала за более сильным ядом. И если мы ее немедленно не напугаем — всем вам придется плохо. Не отступать надо, а наступать. Вперед! Нападем на Ступкину, докажем: ей с муравьями не справиться. Тогда она испугается и улетит навсегда. Вперед, за мной!

Гул одобрения прервал его. Стоящие внизу зашевелились, и Рыжик понял: контакт установлен, доверие завоевано.

— Вперед!..— раздались многочисленные голоса муравьев.— Да здравствуют наши северные друзья!

Убедившись, что муравьи готовы последовать за ним и ничто их теперь не остановит, Рыжик кубарем скатился с вершины.

Продолжая кричать: «За мной!.. Мы должны успеть!..» — он со всех ног бросился к большому дому.

Сзади, догоняя и наступая на ноги, мчались приморские муравьи.

Их уже не надо было подгонять.

Тем не менее, вбежав на крыльцо, Рыжик еще несколько раз крикнул:

— Вперед!.. Вперед!..

А когда муравьи полезли во все щели и перестали обращать на него внимание — нырнул в глубокую трещину у порога и затаился.

— Теперь — назад,— сказал он сам себе, здесь уже обойдутся и без меня.

Середкин и Муравейкина заволновались, когда вместо Рыжика увидели Кандидата. Такого запыхавшегося, будто ему пришлось бежать десять километров.

Он даже не стал ничего объяснять, только сказал, заикаясь:

— Мы уходим...

И потащил за собой недоумевающих детей.

Около домика Середкина и Муравейкину подхватили его молчаливые товарищи. От них вообще не удалось добиться ни одного слова до самой автобусной остановки.

Только там, почувствовав себя в полной безопасности, один из них проронил:

— Рыжик организовал грандиозное наступление на большой дом.

— Мы уезжаем без него? — спросила Муравейкина. — Я не хочу!

— Не знаю, — прошептал Кандидат. Он окончательно потерял силы. — События развивались так бурно, что всего можно ожидать...

— События продолжают развиваться, — слышался из темноты знакомый голос Рыжика. — Только теперь уже без меня.

— Что случилось? — спросил его Середкин. — Нам сказали, ты организовал какое-то грандиозное наступление?

— Ага! — улыбнулся разведчик. — Мне удалось проучить Бабу-Ягу... Эх, узнать бы, что она сейчас делает!

И тут все увидели: свет луны померк. В той стороне, где находился дом Ступкиной, возникло черное поднимающееся облако. Из него вырвался зигзагообразный язык пламени, раскатился громоподобный звук.

— Так я и знал, — победно сказал Рыжик. — Баба-Яга не выдержала наступления и улетела!.. Давайте мне кулек с цветком, мы уезжаем...

P. S. По другим сведениям — местного населения и отдыхающих, стало известно: ночью дом Ступкиной подвергся небывалому нашествию муравьев. Их было так много, что они покрыли пол, стены и потолок дома плотным слоем.

Проснувшись от непонятного шороха, хозяйка увидела небывалую картину, испугалась, бросилась без оглядки в чем была к морю и просидела в воде два часа.

Причина такого нашествия муравьев осталась невыясненной.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Последняя

Муравейкина и Середкин так устали, что не запомнили обратной дороги. Они задремали еще на автобусной остановке в очень удобном и мягком листе подорожника.

Середкину стало казаться, что он опять стоит на борту самого лучшего в мире ледокола и отдает команды. А вокруг — безмолвие Ледовитого океана, торосы и белые медведи.

А Муравейкина видела себя на берегу Черного моря. Будто бы она уже взрослая и отдыхает одна. Потому что Середкин ушел в дальнее плавание. К самому Северному полюсу.

Вроде бы она качается в гамаке, а какой-то кандидат, беспрестанно поправляя двумя пальцами очки в позолоченной оправе, очень хочет подружиться с ней, рассказывает разные забавные истории.

«Рассказывай, рассказывай... — думает Муравейкина. — Все равно я дружить с тобой не буду — у меня есть один самый лучший друг — Коля Середкин...»

Неизвестно, что бы еще представилось путешественникам из пионерского лагеря «Зеленая республика», если бы они не очнулись, услышав над головами гул.

Оба сразу посмотрели вверх и увидели большой самолет. Он летел необычно низко. Им даже показалось, что самолет покачал крыльями, как бы приветствуя или прощаясь.

Потом Середкин и Муравейкина посмотрели друг на друга и увидели: они такие, какими были всегда. И — си-

дят под березой, а около ног ползает маленькая гусеница. Напротив них — сосна. А под ней — хвойный купол муравейника. И там, около одного из входов-выходов, важно приподнялся муравей. За ним — группа муравьев. И все они смотрят на Муравейкину и Середкина. Так им показалось.

— Это же Главный муравей и остальные из Высшего совета! — воскликнул Середкин и осекся: вдруг все, что было, привиделось только ему и Муравейкине удивленно спросит:

— Какой Главный?.. Какой Высший совет?..

Но она согласно кивнула и, дернув Середкина за рукав, показала на тропинку:

— Смотри, смотри! — воскликнула Муравейкина. — Видишь, — там Рыжик и остальные, которые были с нами на берегу Черного моря!

Середкин посмотрел и увидел: по тропинке, ведущей

к муравейнику, брели четыре муравья. Один из них был более рыжий, чем остальные, и нес в челюстях крошечный кулек из бересты. Он оглянулся, словно хотел сказать: «Вот и закончилось наше путешествие... Не забывайте о том, как вы у нас гостили... И как здорово я выгнал из дома Бабу-Ягу... И не беспокойтесь о заповедном цветке. Мы посадим его на прежнее место...»

Оглянулись и остальные муравьи.

Один из них словно бы поправил несуществующие очки в позолоченной оправе и пошевелил усиками — наверное, произносил вежливую прощальную речь.

Когда он закончил, последние два муравья кивнули сидящим под березой, и маленький муравьиный отряд заспешил к хвойному куполу.

— Давай подойдем поближе,— предложила Муравейкина и встала.

Середкин встал следом за ней.

Они подошли к муравейнику и долго наблюдали за отрядом, возглавляемым рыжим муравьем.

Вот отряд достиг подножия купола...

Вот он поднялся до входа, возле которого стояли важный муравей и группа.

Рыжий муравей приблизился к важному, и некоторое время они стояли друг против друга, попеременно шевелили усиками.

— Рыжик рассказал Главному все, что случилось с нами,— шепнул Середкин.

Важный муравей и все остальные подняли головы и посмотрели на детей. И, словно убедившись, что они живы и здоровы, один за другим исчезли в хвойном куполе.

— Вот и все,— сказал, выпрямляясь, Середкин.

Они постояли еще немного около муравейника и вернулись к березе. Там, в тени, стали вспоминать:

— Ты помнишь, как нас похитил Жук-Бронзовик! — воскликнула Муравейкина.

— А как твой отец принял голос дочери за писк комара? — восклицал Середкин.

Под березой долго раздавались возбужденные голоса. Когда же возбуждение прошло, Середкин вздохнул и сказал:

— Жаль, что это была только сказка. Мы с тобой слишком замечтались...

— А записка,— спросила Муравейкина,— которую я писала перед путешествием?.. Главный заготовитель должен был положить ее на мою тумбочку!

И тут они вспомнили о лагере. И о том, что ребята, наверное, давным-давно пришли с речки. И о том, что Анна Константиновна...

Взявшись за руки, Муравейкина и Середкин во всю прыть помчались к своему корпусу.

— Ох, и попадет же нам! — говорили они на бегу друг другу.

— Наши давно пришли? — запыхавшись, спросила Муравейкина у девочки из соседнего отряда.— Она прыгала на одной ноге вокруг скамейки.

— Не приходили еще...— девочка перестала прыгать.— А вы где были? — поинтересовалась она в свою очередь.

— Там,— махнул рукой Середкин в ту сторону, откуда они прибежали,— далеко...

— А-а-а...— понимающе протянула девочка и снова стала прыгать вокруг скамейки.

Торопясь, через две ступеньки взбежали Середкин и Муравейкина на крыльцо. Вихрем пронеслись по коридору и, распахнув дверь в спальню, увидели: на тумбочке, около кровати Муравейкиной, лежит что-то белое...

Забыв закрыть дверь, они рванулись туда.

Но сильный сквозняк поднял крошечный обрывок бумаги, закружил и вынес в открытое окно.

Середкин вскарабкался на подоконник, выпрыгнул на улицу, стараясь догнать единственное доказательство того, что все произошедшее с ними было на самом деле.

Он увидел, как ему показалось, белеющий клочок бумаги, мелькающий у самой цветочной клумбы, и схватил.

Но когда разжал руку,— на ладони у него оказалась только пушинка одуванчика.

Середкин в растерянности смотрел, как ветер сдул ее и понес дальше.

«Наверное, сказки не любят оставлять доказательства своей несказочности...» — подумал он и увидел Жука-Бронзовика.

Бронзовик ползал по лепесткам самого красивого цветка.

— Это ты? — спросил его Середкин.

Бронзовик остановился, повернулся к Середкину.

Потом перелетел к нему на плечо, прополз немного и вдруг, словно бы вспомнив о каком-то неотложном деле, распустил крылья и улетел в сторону леса.

«Может быть, он полетел помочь муравьям посадить заповедный цветок?» — подумал Середкин.

— Ты догнал мою записку? — спросила Муравейкина.

— Да,— сказал он.— Но, когда я разжал руку, ветер снова схватил ее и унес...

Для полной ясности необходимо сказать вот еще о чем: письмо родителей Муравейкина не получила. Родители забыли написать на конверте «авиа», и письмо не успело прийти — они, не ожидая конца сезона, приехали забрать дочь из лагеря.

— Вы хорошо отдыхали на юге? — спросила их Оля.

— Прекрасно,— ответил отец.— Дом на самом берегу моря, сад... Но самое главное — мама перестала болеть.

— Да... — улыбнулась мама.— Сердце больше не беспокоит.

Оля хитро прищурилась, хотела сказать: «Знаем мы, что помогло...», но раздумала и ничего не сказала.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	
О яблоке, с которого все началось	3
Глава вторая	
Обычное становится необычным	16
Глава третья	
Под куполом хвои	29
Глава четвертая	
Жук-Бронзовик	45
Глава пятая	
Заповедный цветок	57
Глава шестая	
О том, что не может быть, а может и быть	63
Глава седьмая	
Муравьиные автобусы и самолеты	71
Глава восьмая	
О доме на берегу и немного о Бабе-Яге	86
Глава девятая	
Последняя	106

**Александр Александрович
Романов**

**ТАЙНЫ
МУРАВЬИНОГО ГОРОДА**

Сказочная повесть
для младших школьников

Редактор Л. В. Белявская
Художественный редактор А. Н. Тобух
Технический редактор М. Н. Коротаева
Корректоры Л. И. Давыдова, Л. А. Кондаурова

ИБ № 1231

Сдано в набор 03.12.81. Подписано в печать 04.06.82.
Формат 70×84¹/₁₆. Бум. тип. № 3. Гарнитура школьная.
Высокая печать. Усл. печ. л. 7,63+0,27 вкл. Усл. кр.-отт. 10,9.
Уч.-изд. л. 5,78+0,28 вкл. Тираж 30000. Заказ № 150.
Цена 25 к.

Западно-Сибирское книжное издательство,
630099, Новосибирск, Красный проспект, 32.
Типография изд-ва «Советская Сибирь»,
630048, Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104.

15522171

300,5

Цена 25 к.

